

Илья Бушмин

Законы улиц

сборник

МАТЕРИАЛЫ

МАТЕРИАЛЫ

Илья Бушмин

Законы улиц. сборник

«Издательские решения»

Бушмин И.

Законы улиц, сборник / И. Бушмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746529-2

Сборник избранных произведений российского автора Ильи Бушмина, работающего в жанре полицейского детектива. В данное издание вошли сразу три остросюжетных романа: «Рожденный убивать», «Один из нас» и «Проклятая группа». Для ценителей криминального жанра.

ISBN 978-5-44-746529-2

© Бушмин И.
© Издательские решения

Содержание

Рожденный убивать	6
Часть 1	6
Часть 2	27
Часть 3	41
Часть 4	53
Часть 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Законы улиц сборник Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

ISBN 978-5-4474-6529-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рожденный убивать

Часть 1

- Не хочется светиться лишний раз...
- Все равно нет.
- Дэн, а если они нарисуются сейчас? Вдруг я их спугну?
- Нет, сказал.

Фокин хмуро покосился на неуступчивого Аксенова, недовольно вздохнул, но промолчал в ответ. Однако долго это не продлилось.

- Пить нельзя, есть нельзя, курить нельзя... Что в твоей тачке вообще можно делать?
- Ездить, Сергей. Не нравится, ходи пешкодралом.

Фокин недовольно пробормотал что-то себе под нос и отвернулся.

Сколько себя помнил, Аксенов мечтал о хорошей машине. Но обходиться приходилось подержанными авто, которые он менял каждые пару лет. А потом на него, в лучших традициях волшебных историй, свалилось наследство в виде однокомнатной квартиры. Умер, допившись, его отец-алкоголик, с которым Аксенов не общался полжизни – с тех пор, как достиг совершеннолетия и смог покинуть ненавистный ему отчий дом. Продав однушку покойного отца, Аксенов наконец исполнил свою мечту – на зависть всем, теперь он передвигался на новеньком, черном, с хромированными порогами и кенгурятниками, внедорожнике «пежо». Но, по мнению многих, особенно Фокина, после покупки джипа Аксенов немного двинулся. Машину он холил и лелеял больше, чем Кощей Бессмертный яйцо с собственной смертью. И иногда это напрягало. Особенно в вечера вроде этого, когда Фокин и Аксенов были вынуждены коротать уйму времени в джипе, в котором нельзя было практически ничего.

– Вещи должны служить людям, а не люди вещам, слышал такое когда-нибудь? – не выдержал Фокин. – Народная мудрость, между прочим. Ну вот поем я, допустим, здесь. Ну, крошка упадет. И что из этого? Или покурю. Да ты сам куришь, ё-моё!

– Но не в машине же.

– Слушай, Дэн, у тебя детей нет, аллергии какой-нибудь тоже, нафига тебе идеальная чистота в машине?

– Эта тачка стоит полтора мулика, – не поддавался Аксенов. – Купи себе такую же, а потом я на тебя посмотрю.

– Фига се, – оскорбленно отозвался Фокин и в очередной раз отвернулся. Но, что-то увидев в конце двора, тревожно заерзал в кресле. – Дэн. Кажется, они.

Во двор, озаряя пространство перед собой светом фар, заехала машина. «Пежо» Аксенова стояло на противоположном конце двора, около последнего, восьмого подъезда. Было поздно, двор освещался редкими фонарями, и с их позиции Фокин и Аксенов не видели точно, что это был за автомобиль. Аксенов прищурился:

– Кажется, «форд»... Номера видишь?

Машина неторопливо ползла по двору, словно водитель искал место для парковки. Но безуспешно – в это время суток, поздним вечером, все парковочные места во дворе были заняты. «Форд» съехал к пешеходной дорожке около пятого подъезда и припарковался вплотную к бордюру.

Из машины вышли двое. В свете фонаря перед подъездом было видно – это полицейские. Фуражки, форменные кители. На плече одного висел автомат. Переговариваясь, сотрудники полиции двинулись к дверям подъезда.

Аксенов вытащил бинокль из бардачка.

– Автомат.

– Черт... Хреново.

– Сигналь всем, – бросил Аксенов Фокину, продолжая внимательно следить в бинокль за полицейскими. – Это они.

Не подозревая о слежке, сотрудники полиции скрылись внутри. Двери были на кодовом замке, но один из стражей порядка знал код. В подъезде было темно – свет горел лишь на первом этаже – но люди в форме спокойно добрались до лифта.

Когда раздался звонок в дверь, хозяин двухкомнатной квартиры на четвертом этаже был удивлен. Он как раз собирался откупоривать бутылку вина, чтобы устроиться с бокалом перед телевизором. Посмотрев на часы – было почти 11 вечера – он с недоумением подошел к двери и выглянул в глазок.

На площадке перед квартирой стояли двое в форме.

– Кто там? – голос почему-то дрогнул.

– Полиция, – сухо и требовательно отозвался голос из-за двери. – Откройте.

– А... что случилось? Я не вызывал.

– У вас была кража этажом выше, – это был второй голос, чуть помягче. – Мы опрашиваем жильцов. Буквально на минутку.

Хозяин невольно выдохнул. Его совесть была чиста, но мало ли что. Визит ментов на ночь глядя способен обрадовать мало кого. Открывая дверь перед полицейскими, он спросил:

– А кого обокрали? Ког...?

Договорить он не успел. Как только дверь приоткрылась, полицейский с автоматом на плече резко дернул ее на себя, распахивая до конца. А второй, навалившись на хозяина, втолкнул его внутрь. Страж порядка сдавил горло хозяина левой рукой, а правой выхватил пистолет и принялся тыкать ему в лицо. Хозяин, бледнея от ужаса и понимая, что перед ним никакие не полицейские, увидел физиономию с агрессивно выдвинутой вперед челюстью. Ряженный с пистолетом грозно прошипел голосом, от которого у хозяина кровь застыла в жилах:

– Вакнешь, башку прострелю, все понял? Кровью у меня изойдешь! Есть кто дома?

Хозяин попытался ответить, но не смог – лишь открыл рот. Ряженный чуть сдавил его горло, и хозяин лихорадочно замотал головой – никого.

Второй, с автоматом, захлопнул дверь и бросился проверять комнаты. Ряженный №1 схватил хозяина за шиворот и поволок спотыкающегося и перепуганного насмерть мужичка в гостиную.

– Пошел! И только вякни, цацкаться не буду!

Тем временем во двор медленно заехал темный фургон без опознавательных знаков и, заглушив свет фар, замер в десятке метров от «форда» ряженных. В «пежо» Аксенов и Фокин проверили оружие, Фокин поправил кевларовый бронежилет, переклеив пару липучек на боку.

– Все готовы? – бросил Аксенов по рации.

– На позиции, – прохрипела рация в ответ.

На счету банды лже-полицейских было уже два разбойных нападения на квартиры в разных частях города. Угрозыск имел словесный портрет преступников и отпечатки пальцев одного из них, неловко оставленные на первом разбое. Судимости у человечка не было, но было задержание семь лет назад, о котором он, возможно, уже забыл. Благодаря этому Аксенов и Фокин вышли на след Сашко, одного из ряженных. Осторожная наружка в течение суток показала, что он дважды засветился в этом самом дворе, разведывая обстановку. Когда стало ясно, что будет третий налет, решено было устроить засаду. Однако они знали лишь дом – но не квартиру. Поэтому бандитов решили брать на выходе из адреса, а не внутри. Был небольшой риск, что они нанесут вред терпиле – но других вариантов не имелось.

– Берем их при погрузке в тачку, – напомнил Аксенов. – Ни раньше, ни позже.

– Понял, – хрипнула рация.

Хозяина квартиры связали с помощью скотча по рукам и ногам и бросили на пол в центре гостиной. Пока один из ряженных быстро складывал в сумку легкую технику – ноутбук, планшетник, сотовый и прочее – второй давил на хозяина:

– Где деньги? Слышь? Я тебя спросил, б... дь, где деньги?

Бандит двинул лежащему на полу хозяину по спине рукояткой ствола. Хозяин дернулся и взвизгнул, но тут же сжал зубы, памятуя: если он вякнет – преступник не будет цацкаться и прострелит ему голову.

– Коробка от диска, – пролепетал он дрожащим голосом, – Под телевизором.

Бандит шагнул к телевизору и, склонившись, увидел на полке несколько десятков DVD. Все диски он в ярости смел на пол, рыкнув:

– Какая? Какая, б... дь, из них?

– Черная! Без этикетки, толстая!

Через десять минут ряженные – на плече одного автомат, в руках второго тяжелая спортивная сумка с похищенным – быстро вышли из дома.

– Начинаем, сразу при посадке, – выдохнул Аксенов по рации, буквально физически чувствуя брызнувший в кровь адреналин.

Вспыхнул габаритами «форд». Автоматчик шагнул к водительской дверце, второй открыл багажник и бросил туда сумку.

– Начали! Пошел, пошел, пошел!

Фургон вдруг сорвался с места и, ревя двигателем, рванул к «форду». Автоматчик, уже усевшись за руль, понял все сразу. Что есть мочи он заорал:

– Мусора!!

Фургон, визжа покрывками, резко затормозил и ушел в сторону, перекрыв проезд вперед. Дверца распахнулась, и из фургона выпрыгнули трое спецназовцев в шлемах и с автоматами. Каждый ревел:

– Работает СОБР! На землю! Полиция!

Ряженный бросился к машине, но при появлении бойцов он вскинул оружие и открыл огонь. Получив толчок в защищенную бронежилетом грудь, один из спецназовцев пошатнулся. Тут же второй надавил на спусковой крючок. Автоматная очередь прогремела на весь двор. Бандита в полицейской форме изрешетило пулями и бросило на асфальт.

Аксенов и Фокин с пистолетами в руках выпрыгнули из машины. Броситься к «форду» они не успели. Водитель решил прорываться: «форд» взвыл двигателем и дернулся назад. Дав полукруг, он разнес багажник об припаркованную напротив подъезда машину. Та отчаянно звывала сигнализацией.

Аксенов выкатил глаза, лихорадочно соображая.

– Твою мать!

Путь вперед перекрыт фургоном спецназа. Значит, урод будет уходить в его сторону. Аксенов прыгнул за руль «Пежо» и, захлопнув за собой дверцу, крутанул ключ в замке зажигания.

Спецназовцы бросились к ревущему «форду», который толкал смятым багажником стоящую сзади машину.

– Из машины! Вышел из машины!

Один из бойцов дал автоматную очередь вверх. Но «форд» сорвался с места. На ходу бандит выворачивал руль. Места для разворота было мало – вылетев на тротуар и снеся переднее крыло об окаймлявший пешеходную дорожку металлический заборчик, «форд» рванул прочь.

Аксенов диким взглядом следил за машиной ряженого, газуя на месте и лихорадочно просчитывая доли секунды.

Боясь, что «форд» собьет его, Фокин бросился бежать. Сиганул через заборчик у тротуара и выстрелил в машину. Фокин целился в колесо, но пуля разнесла фару.

«Форд», набирая скорость, мчался прочь со двора.

Пора. Аксенов вдавил ногу в педаль акселератора.

«Пежо» сорвался с места и локомотивом снес проносящийся мимо «форд». Закрепленный спереди кенгурятник, корежа дверцы седана, вжал его в бордюр тротуара. Аксенов видел, как дернулся, ударяясь об окно водительской дверцы, бандит в форме.

Когда «пежо» сдал назад, спецназовцы обступили «форд» и, крича и тыча в искореженную машину автоматами, выволокли водителя из машины. Левая часть лица его была разбита и кровоточила, глаза вращались – он был в прострации после столкновения.

– Руки! Лежать, сука! Руки вяжи!

Аксенов, выбежав из машины, первым делом бросился к кенгурятнику, склонился над ним и ахнул. Кенгурятник был чуть смят прямо перед радиатором. Аксенов грязно выматерился.

– Помял! Твою мать, помял! Убить тебя мало, скотина!

Подбежал Фокин, быстро оглядел хромированную дугу перед радиатором.

– Да брось ты, Дэн, почти не заметно...

Аксенов одарил его лютым взглядом. Фокин тут же выставил перед собой руки:

– Молчу, блин! Я-то тут при чем? К нему все вопросы!

Когда они подошли к «форду», ряженный водитель тяжело дышал, лежа на тротуаре со сцепленными за спиной руками. Один из бойцов вытащил из машины автомат, повертел.

– Пневматика. Муляж. Повезло.

– Зато у второго был боевой, – добавил другой боец.

– Что с ним?

Аксенов обернулся на второго. Все было ясно без слов – труп в полицейской форме лежал, раскинув руки в стороны, в луже крови.

– Двухсотый, – прокомментировал кто-то из бойцов. – Зато наших никого не зацепило, хотя он раза три-четыре пальнул. Повезло.

Кому как, подумал Аксенов, мрачно оборачиваясь на «пежо» с погнутым кенгурятником. Помимо испорченного железа, за которую Аксенову еще недавно пришлось выложить круглую сумму, они имели на руках факт наличия трупа и факт перестрелки. А значит, без начальства, следака и разбора полетов не обойтись.

– Вызывай группу, – без энтузиазма сказал он Фокину. А сам, подойдя к задержанному, который пытался на асфальте, склонился над ним. Аксенов грубо толкнул его по плечу: – Какую хату выставили? Ну? Хату какую?

– Сто двадцать девять, – тихо буркнул бандит, косясь на Аксенова. И изумленно замер. Он сразу же узнал опера.

Аксенов тоже вспомнил и узнал задержанного. И, нахмурившись, буркнул:

– Ну привет, Ханыга. Давно не виделись.

Во дворе около подъездов группы местных жителей, оживленно сплетничая, с интересом наблюдали за работой силовиков. Когда криминалисты закончили, тело убитого Сашко погрузили в труповозку. В это время прибыл эвакуатор, чтобы отогнать искореженный «форд» Ханыгина и Сашко. Почти одновременно с ним подъехал Хохлов – 50-летний, полный, страдающий изжогой и начальной стадией язвы желудка, мужчина.

– Без стрельбы никак? – проворчал он.

– Я вообще не стрелял, ко мне какие вопросы? – буркнул Аксенов. Но все же продолжил, как того требовала субординация: – Наружка привела нас только к дому. Мы даже подъезд не знали, где они хату брать будут. Если бы знали, само собой внутри бы засели...

– Охренеть. Кого пасли?

– Сашко. – Аксенов кивнул на уезжающую труповозку. – Тот, который жмур.

– А второй?

– Ханыгин. Мы его пять лет назад брали. Помните нападение на оптовую базу?

– Погоди, – нахмурился Хохлов. – Это где троих ментов подстрелили? – Аксенов кивнул. – Охренеть. Значит, он был там?

– Ханыгин тогда главбандоса сдал, – сказал Аксенов. – А за это выторговал себе условку. Обещал завязать, благодарил, чуть ли не на коленях ползал... Я пять лет ничего про него не слышал. Целых пять лет, Петр Дмитриевич.

Тем временем Фокин общался с потерпевшим. Растрепанный хозяин ограбленной квартиры был в полнейшей прострации. Сначала – нападение. Потом – пленение: его связали, чтобы он не мог позвонить в полицию. Затем – стрельба во дворе. А после – визит полицейских, которые его и освободили. Терпила наблюдал, как криминалист снимает отпечатки пальцев со стола, где еще недавно стоял ноутбук.

– Если вы знали, что это будет, то почему не защитили как-то? – пробормотал он. – Они меня тут чуть не убили.

– Не убили бы, – утешил Фокин. – Это уже третье нападение, а они пока никого не убили.

– Так вот, значит? – несмотря на шок, хозяин квартиры возмущился таким цинизмом. – Ну спасибо за заботу! Моя милиция меня бережет!

– Это милиция берегла, а мы полиция, у нас только собственные шкурные интересы, – раздражаясь и пытаясь это скрыть, буркнул Фокин. – Вы заявление дописывать будете или как?

Во дворе Хохлов звонил начальству, но никак не мог дозвониться.

– Аксенов, ты со следаком все?

– Так ко мне вопросов и не было. Я не стрелял, я же говорил? Кстати, раз уж разговор зашел... Я могу какой-нибудь рапорт написать, чтобы мне ремонт кенгурятника возместили за счет управления?

Хохлова от вопросов опера спас звонок.

– Алло! Да, товарищ полковник. Докладываю, взяли с поличным. Мои ребята при поддержке СОБРа. У них был пневматический «Юнкер», который внешне имитирует боевой АКСУ, и боевой ТТ. Да, у ствола номера спилены. Отправили на экспертизу, конечно. Так точно. Да, так точно, – прикрыв микрофон ладонью, Хохлов недовольно шепнул Аксенову: – Ты охренел, Аксенов. А кондиционер тебе за счет управы не надо починить?

– С кондиционером все в порядке пока...

Но Хохлов уже вернулся к разговору:

– Так точно, товарищ полковник, оказали злостное сопротивление. Открыли огонь, пришлось стрелять на поражение.

Была уже ночь, но ехать домой Аксенов и Фокин, несмотря на желание, не могли – надо закреплять Ханыгина, пока он был в шоке после задержания и не успел продумать линию поведения.

Но Ханыгин молчал. Медики обработали его лицо, разбитое при вынужденном ДТП во дворе, но выглядел он все равно паршиво. Осунувшийся, хмурый, Ханыгин понимал, что попался. Однако, несмотря на то, что задержанный был деморализован – он молчал.

– Ханыга, мы знаем, что вы с Сашко взяли еще две хаты, – говорил Аксенов. – На Пересвета и на Луговой. Пальцы Сашко остались на первой. А оба терпила вас опознают, зуб даю. Ханыгин молчал.

– Слушай, ты же не в первый раз замужем. Дашь чистуху сразу – мы шепнем за тебя словечко следаку. У тебя только одна ходка, да и то по хулиганке. Здесь получишь по минимуму.

Ханыгин молчал.

– Так и будешь в молчанку играть?

– Курить есть? – мрачно буркнул Ханыгин.

Аксенов положил перед ним пачку сигарет. Ханыгин закурил. Взяв с подоконника пепельницу, Аксенов вернулся за стол и закурил сам. Ничто не помогает выйти с объектом, которого пытаются расколоть опер, как совместное курево.

– Ну, Паш? – выдержав паузу, продолжил Аксенов. – Говорить будем или как?

– Я возьму на себя все.

– Сколько эпизодов у вас? Три? Или есть какие-то, о которых я не знаю?

– Только три.

– А чего ломался? – Ханыгин не ответил. – Как знаешь. Чистуху будешь писать?

Поколебавшись, Ханыгин кивнул. Аксенов положил перед ним ручку и бумажку. Тот продолжал курить, потерянно и тоскливо глядя вникуда. Аксенов наблюдал за ним.

– Слушай, Паш. Мы же с тобой пять лет назад договорились, вроде. Нафига тебе это?

Ханыгин снова поколебался перед ответом.

– Деньги нужны.

– Всем нужны. Мне, думаешь, не нужны? Если б не нужны были, я б не пахал здесь как дурак, а загорал бы сейчас на пляже с коктейлем в руке. – Ханыгин не отреагировал. – Паш, я тут пробил, пока тебя оформляли... У тебя ни за это время ни одного задержания не было. Ты ни по одной наводке не проходил. То есть, завязал вроде. С чего сейчас во все тяжкие опять пустился-то?

Ханыгин не ответил, лишь отвел взгляд и снова уставился вникуда. Аксенов задумчиво наблюдал за задержанным. И его поведение оперу категорически не нравилось.

Из управления Аксенов и Фокин выехали уже поздней ночью. Аксенов, подвозя Фокина домой, буркнул, видя, как тот пытается достать сигарету из пачки:

– Назад убери. Не в машине, задолбался тебе говорить уже.

– Твою мать, – проворчал Фокин, пряча сигареты в карман и вздыхая.

– Серег, а ты сам вообще заметил, что ты еще больше курить стал?

– Когда?

– После того, как типа пытался бросить.

– Не типа пытался, а пытался, – огрызнулся Фокин. – Бросишь тут с вами.

– Гнилые отмазы.

– Умный? Вот сам попробуй бросить, а потом советы давай.

– Ты каждый месяц заводишь очередную телегу на тему «я бросаю курить», – хмыкнул Аксенов. – Потом неделю достаешь всех. Потом срываешься и начинаешь курить еще больше, чем курил до того, как типа бросил. Ты реально уже достал всех. Или брось уже раз и навсегда, или...

– Как только, так сразу. Ты со своей тачкой тоже всех достал.

– Не всех, а только тебя, это большая разница, – рассмеялся Аксенов.

Фокин предпочел переменить тему.

– Ханыгин поплыл?

– Куда он денется. Написал чистуху. Завтра закреплять придется.

– Слушай, а та история пять лет назад, что там было? Я же еще не работал в отделе.

Вспоминать в подробностях тот день Аксенов не хотел.

– По информации работали. С поличным брали банду. Их было четверо. Один водитель и трое бойцов. Все в масках и со стволами. С боевыми стволами.

– Ханыгин был одним из них?

– Был водилой. Ждал снаружи. Его взяли первым, тихо, без шума. А те трое там решили устроить вторую мировую... Подстрелили одного опера и двух собровцев, один из бойцов потом в реанимации помер.

– Жесть... Всех взяли?

– Их главный ушел. Но Ханыгин дал показания и слил его адрес, – отозвался Аксенов.

Слушай напарника, Фокин машинально достал пачку сигарет. Уже выуживая одну, он наткнулся на красноречивый взгляд Аксенова и со вздохом снова спрятал сигареты в карман.

– Ханыгин мне сегодня не понравился, – задумчиво сказал Аксенов. – Знаешь... У меня подозрение возникло, как будто он чего-то боится.

– Ясен пень, боится, – хмыкнул Фокин. – Его с поличным замели!

– Дело не в этом.

– А в чем?

Аксенов молча пожал плечами. Он на самом деле не знал.

Пока.

Глядя сквозь голени, Аксенов увидел проскользнувшие мимо двери в гостиную ноги Ольги. Проснувшись, подумал он, следя за дыханием. Медленный вдох – плавный выдох. Он стоял в уттанасане, согнувшись в поясе так, что лбом он доставал до собственных голеней. Медленный вдох – плавный выдох.

Медленно Аксенов переместился в шванасану, встав широкой буквой Л.

В комнату, он услышал, заглянула Ольга.

– Завтракать будешь?

– Угу.

– Ты же меня подбросишь на работу? Мне бы сегодня пораньше. У нас там какое-то собрание планируется опять...

– Угу.

– Тебе еще долго?

Аксенов невольно вздохнул.

– Нет.

– Мы же не опоздаем?

Черт возьми, подумал он, почему ты проснулась именно сейчас.

– Нет.

Ольга недовольно покосилась на застывшего в асане Аксенова, который словно не понимал, что ей нужно на работу пораньше. Поджав губы, она отправилась на кухню и принялась – Аксенов подумал, что демонстративно громко – греметь тарелками.

Аксенов и Ольга были женаты три года. Познакомились в типичной для любого опера ситуации – она была свидетельницей по делу, над которым работал Аксенов. Поначалу отношения напоминали идиллию, но вскоре выяснилось – все не так, как кажется. Они были разные. Ольга была раздражительной, но главное – катастрофически неуверенной в себе. Любую неприятность она несла в дом, а у Аксенова хватало своих проблем. Выслушивать каждый вечер двухчасовые истории о том, как ее не любят на работе и как ей не везет в карьере, для него было слишком. Плюс его собственная служба, на которой он пропадал сутками. Одним словом, сейчас их отношения были странными – до отчуждения, конечно, не доходило, но сказать про Аксеновых «они живут душа в душу» явно было нельзя.

Медленный вдох – плавный выдох. Аксенов медленно перешел в буджангасану – лег на живот и, отталкивая себя руками, прогнулся максимально назад. Глаза увидели верхнюю часть двери в комнату. И перевернутую голову вернувшейся Ольги.

– Денис, ты не можешь поторопиться? Мне реально пораньше надо.

Черт.

– Хорошо, – отозвался он, не двигаясь и следя за дыханием. Раздраженно выдохнув, Ольга ушла.

Аксенов почти 15 лет начинал каждое свое утро с йоги и дыхательных упражнений. На другие тренировки у него, при всем желании, не было времени, несмотря на висевшую

на балконе боксерскую грушу. Именно благодаря йоге он в свои 35 был более гибким и подвижным, чем в подростковом возрасте. А благодаря дыхательным упражнениям пытался хоть как-то компенсировать вред от сигарет.

Закончив, он принял душ, пожарил яичницу с помидорами и быстро проглотил нехитрый завтрак. Одевшись, Аксенов обнаружил, что Ольга, еще в ночной рубаше, слоняется по комнатам с одеждой в руках.

– Оль, ты меня торопила. Ну вот, я готов. А ты?

– Не дергай меня, подождешь! – отрезала она.

– Как задержан...? Кем? Когда?

– Вашего мужа задержали полицейские. С поличным, о время совершения преступления.

Мы можем войти?

– Но... Господи. Когда?

– У нас постановление на обыск, – мягко, но настойчиво повторил Аксенов, снова показывая Ханыгиной документ. – Мы должны обыскать ваш дом. Впустите нас.

Женщина отступила, с потерянными глазами, глядя, как внутрь заходят Аксенов, Фокин, понятые и двое полицейских в форме. Осматриваясь, Фокин махнул понятым на гостиную:

– Давайте оттуда начнем. Понятые, следуйте за мной, что ли.

Ханыгин жил в частном доме на окраине. Небольшой, ничем не примечательный домишко с воротами, огородами и стареньким гаражом.

До Ханыгиной стало доходить, что случилось. Бледнея, она опустилась на стул. Аксенов тревожно нахмурился.

– Вам плохо? Воды?

– Когда это было? – пробормотала она, трогая себя за лицо, словно у нее разболелся зуб. В глазах стояла неприкрытая паника. – Когда? Паша... где он сейчас?

Аксенов вздохнул.

– Он в изоляторе временного содержания. Если вы хотите с ним встретиться, я вам дам телефон следователя, я такие вопросы решать не могу. Ханы... Павла задержали ночью. Наши сотрудники. Он совершил разбойное нападение на квартиру вместе со своим знакомым, его фамилия Сашко. Вы его знаете?

Ханыгина растерянно посмотрела на Аксенова – так, словно вообще только сейчас поняла, что он здесь. Смысл происходящего наконец стал доходить до нее. Она слабо кивнула.

– Он заходил как-то... Паша сказал, друг это его...

А потом она расплакалась. «Воды», – шепнул Аксенов одному из постовых, тот быстро удалился вглубь дома. Из гостиной вышел Фокин.

– Во дворе есть какие-то постройки? Гараж, сарай...? – увидев кивок Аксенова, Фокин указал понятым на дверь: – Так, понятые, теперь давайте пройдем на придомовую территорию...

Они вышли. Ханыгина продолжала плакать, растирая по лицу слезы и шмыгая носом. Аксенову было жалко женщину. Пять лет назад, когда Аксенов так же, как и сейчас, проводил здесь обыск, она рыдала не меньше. Жена искренне любила своего непутевого муженька.

– Я ведь чувствовала, – приговаривала Ханыгина, плача. – Я знала.

– Что чувствовали?

– Он последние дни... весь не свой был. Нервный. Беспокойный. По ночам не спал. Сидит на кухне, курит и думает о чем-то...

– Он что-нибудь говорил?

Ханыгина, всхлипывая, покачала головой. Но Аксенов не собирался так просто сдаваться. Вытащив визитку, он протянул ее женщине.

– Я попытаюсь помочь вашему мужу, – соврал он. – Чтобы ему дали условный срок. А вы, если вспомните вдруг что-нибудь – позвоните, хорошо?

Принимая карточку, Ханыгина не выдержала и разрыдалась в голос.

На обыске они нашли часть похищенного со второго налета – вещи с первого дела бандиты, очевидно, уже успели продать. Но и это было что-то. Однако Аксенову не давал покоя сам Ханыгин. На ночном допросе задержанного опер увидел, что тот чего-то боится. А теперь его жена по сути подтвердила это. Может быть, это все неважно, думал Аксенов, но его раздражало, когда ему что-то непонятно.

А в управлении их ждал сюрприз. В коридоре они наткнулись на Колокольцева, еще одного опера из их отдела. Жуя бутерброд, он махнул операм назад:

– Вас Хохлов ждет. Сказал, нарисуются – сразу ко мне.

– Что-то не так? – насторожился Фокин. – Что, жалоба какая-нибудь?

– Да я откуда знаю? Иди и спроси.

Они так и сделали. Постучавшись, Аксенов и Фокин вошли в кабинет. Напротив Хохлова сидел, попивая кофе из кружки, плечистый мужик лет 40 в камуфляже с нашивками ФСИН на рукаве. Хохлов был чем-то озадачен.

– А вот и они. Это капитан Аксенов, это старший лейтенант Фокин. Они вчера Ханыгина брали.

– Капитан Долгов, Василий, – мужик протянул руку. – Оперативно-розыскной отдел, областное управление ФСИН.

– А что не так с Ханыгиным? – насторожился Аксенов, пожимая ему руку. – При чем тут ваша контора?

– С самим Ханыгиным все нормально. Но мы по своим каналам узнали о его задержании. А он пять лет назад проходил по делу Артема Жилина.

– Да, он был водителем в его банде, как раз наш отдел по ним и работал. А что случилось-то вообще?

Аксенов напрягся, чувствуя, что сейчас будет самое неприятное. И угадал.

– Вы ориентировки на розыск не читаете, да? – спросил Долгов. – Жилин. Он сбежал из колонии строгого режима.

Аксенов похолодел, мгновенно – словно это было вчера – вспоминая события пятилетней давности и уголовного по кличке Жила. самого опасного преступника из всех, с которыми ему пришлось столкнуться за все годы работы. За десять лет работы опером в отделе по расследованию грабежей и разбойных нападений городского УВД...

– Как он вообще сбежал? – удивленно спросил Аксенов, ставя перед Долговым кружку с кофе. – Это же колония-строгач, сорок километров до ближайшего населенного пункта. Как ему удалось вообще?

– Там история интересная, конечно, получилась, – вздохнул опер ФСИН. – Начальника колонии уже турнули, двух его замов и нача оперчасти тоже... Вы новости не смотрели? Там несколько раз показывали сюжеты о побеге. Жила у нас теперь звезда.

– Много работы, за шоу-бизнесом не очень получается следить, – хмыкнул Фокин, закуривая. Покосившись на него, Аксенов встал и приоткрыл окно в кабинете.

– Их было трое, сам Жила и двое подельников, – сказал Долгов. – Лямку тянули спокойно, не высывались, никаких нареканий, в личном деле только положительные характеристики. За это их взяли на работы в стройотряд, на строительство барака в промышленной зоне колонии. Столярами и плотниками... И вот там они сделали подкоп. Двадцать метров лаз, прикиньте? Прямо за забор.

– Двадцать метров? – изумился Фокин. – Фига се! И никто ничего не заметил? А землю они куда девали – ели, что ли?

– Землю по-тихому вывозили в тележках вместе с опилками. Земли было много, конечно, но работали они аккуратно, суки. Наши говорят, над подкопом они минимум месяц работали. То есть, сразу после того, как их в стройотряд определили.

– Ну а чего время терять, – согласился Аксенов. – А кто другие двое? Откуда?

– Да неважно. Их взяли быстро. После побега они ночью бегом добрались до придорожной закусочной, она была в десяти километрах от зоны. Ограбили ее, сторожа и продавщицу связали и избили. Там взяли тачку. И на ней налетели на кордон. Их взяли ДПСники, когда они по проселочным дорогам пытались в другую область рвануть.

– Их?

– Двоих подельников. Самого Жилы в машине не было. Они сказали, что Жила в закусочной взял только дробовик и по мелочи необходимые вещи: одежду, спички, еду. А куда ушел, не знают. Говорят, он с ними вообще никакими своими планами не делился, – Долгов покачал головой. – Ну и в итоге после этого целых полторы недели поисковые отряды прочесывали все вокруг, радиусом сто километров. Подключали вертолеты. И ничего. Жила как сквозь землю провалился.

– Может, его волки загрызли? – усмехнулся Фокин. – Там волки водятся?

– Скорее, он их загрыз, – хмуро буркнул Аксенов.

– Почему?

Аксенов вздохнул.

– Жила служил в разведроте ВДВ. Сначала срочную, потом пять лет по контракту... Его учили выживать в экстремальных условиях. И не только в лесу. Я вспоминаю сейчас... Когда мы его взяли, он хвалился, что если ему дать спички и нож – он сможет пару месяцев хоть в тайге, хоть в тундре продержаться.

– Все так, – мрачно согласился Долгов и протянул Фокину фотографию Жилина. – Ну и плюс посмотри на него...

Фокин присвистнул. С фото на опера смотрел здоровенный и короткостриженный амбал с квадратной челюстью, бычьей шеей и лютым взглядом.

– Фига се. Ему только бандосов в кино играть.

– Физподготовка спецназовца, плюс личные физические данные... Он с самого начала считался самым опасным из беглецов. Но все были уверены, что его удастся отловить. Когда стало ясно, что Жила ушел, объявили федеральный розыск. Он местный, так что сразу подключили нас.

– У него подружка была, – вспомнил Аксенов. – Мы пять лет назад Жилу как раз у нее на хате и брали, он там затихариться пытался.

Долгов кивнул, покопавшись в бумагах и протягивая Аксенову фото.

– Да, Светлана Кибирева. Мы в курсе. Зря, думаешь, свой хлеб едим?

Снимок был сделан во дворе и явно тайно от самой Кибиревой. Женщина лет 28—30, стройная блондинка, шла по двору жилого дома с пакетом продуктов в руке.

– Фотку наружка сделала?

– Само собой. Мы взяли под колпак и ее, и родителей Жилина. Наружка, прослушка сотовых и домашних – все, как полагается. Все-таки ищем особо опасного упыря, это не шутки.

– Честно говоря, после побега надо быть последним придурком, чтобы нарисоваться у предков или у своей бабы, – отметил Фокин. – А этот ваш Жилин, как я понял, не из придурков.

– Мы должны использовать все возможности, сам понимаешь, – пожал плечами Долгов. – А девчонка все эти пять лет писала Жиле на зону. Даже приезжала к нему на свиданки несколько раз.

– Только она?

– Еще мать, два-три раза за пять лет. Больше никого. – Долгов хмыкнул: – Я так понимаю, пять лет назад отдел разбоев всех его корешей пересажал, так что поля для работы вы нам не оставили. Мы покопались в досье Жилы, узнали про Ханыгина. Поставили его телефон на прослушку... А потом бац – узнаем, что вы его повязали. Ну, я ноги в руки и сразу к вам.

– Извини, – Фокин развел руками. – Мы о Жиле не в курсе. Даже о побеге только от тебя слышали.

Аксенов задумчиво потарабанил пальцами по столу.

– Ханыгин ведет себя странно. Сразу видно, что чего-то не договаривает. Может, боится. Его жена тоже сказала, что он странно себя вел в последние дни. А ведь это он тогда Жилу сдал.

– Так может, он боится, что Жила решит отомстить? – спросил Долгов.

Чтобы проверить это, Аксенов отправился в ИВС. Конвоир привел Ханыгина в допросную. Тот выглядел помятым, под глазами уже проклюнулись круги – выспаться минувшей ночью ему явно не удалось.

– Как дела? Следак приходил? Что говорит?

– Завтра опознание хочет проводить, – буркнул Ханыгин.

– Это хорошо. Паша, почему ты про Жилу ничего не сказал?

Ханыгин вздрогнул.

– А что я должен был говорить?

– Ты сам знаешь.

– О чем?

– Ты знал, что он сбежал?

Ханыгин вздохнул, отвел глаза и нехотя пробурчал:

– В новостях видел.

– Испугался?

– А вы-то как думаете?

– Поэтому квартиры выставлять стал?

– Давайте не будем об этом. Пожалуйста, – подавленно воззвал Ханыгин.

Теперь Аксенов смотрел на него с жалостью.

– Паш, если ты боишься, что он тебя найдет и отомстит за ту подставу – не переживай. Во-первых, не найдет. Его сейчас ищут менты всей страны, он особо опасный преступник. А во-вторых, скоро его поймают и закроют. После побега он получит пожизненное, это я могу гарантировать.

– Хорошо, – кивнул Ханыгин.

– Ты знаешь, куда он может податься? Кто у него из корешей здесь остался? Тебе это зачтется. Если ты поможешь закрыть Жилу во второй раз, тебе многое простят. Может, даже условку получишь.

Ханыгин помедлил, но затем сухо и сдержанно, всем своим видом показывая отсутствие всякого желания общаться, бросил:

– Я просто видел его по телевизору. И все.

Аксенов зашел в бар, когда было около восьми вечера. Несмотря на время, в заведении было немногочисленно, лишь за тремя столиками сидели несколько тихих компаний. Аксенов кивнул бармену в знак приветствия.

– Леонидыч на месте?

– Отлучился куда-то, сейчас подойдет. Что вам?

– Да как всегда. И орешки какие-нибудь, хорошо?

Пока бармен набирал пиво в кружку, Аксенов присел за столик у окна. Он любил садиться именно здесь – было видно припаркованную перед баром машину.

Поправляя пояс, из подсобки вышел Крылов. Пузатый и усатый мужчина, в униформе охранника, с резиновой дубинкой на поясе. Увидев Аксенова, он разулыбался и уселся рядом.

– Здорова служивым. Опять приперся, алкоголик? Когда работать будешь?

– На себя посмотри, – с усмешкой парировал Аксенов. – Как ни зайдешь, не на посту. Опять в туалете торчал? У тебя простата шалит или чего?

– Моя простата дай бог каждому, – подхохотнул Крылов.

Знакомы они были целую вечность. Когда-то, когда Аксенову было 12 лет, Виктор Крылов был участковым в его районе, а сам Аксенов, с самых юных лет наблюдающий перед собой вечно пьяную и одутловатую физиономию отца-пропойцы, был первым кандидатом в гопники. До пьянок или наркотиков дело еще не дошло, но с юными отморозками-друзьями Аксенов уже бил окна в магазинах и бомбил ларьки.

Что-то в характере пацана не дало Крылову передать материалы на него в отдел по делам несовершеннолетних, чтобы его поставили на учет. Участковый дал парню шанс. И у него получилось. Крылов практически вытащил Аксенова с улицы и из трудного подростка слепил из него целеустремленного и уверенного в своих силах человека. Для Аксенова бывший участковый был вторым отцом – причем в сотни раз лучше первого, родного. По протекции Крылова сразу после школы Аксенов отправился в милицейскую учебку, которую закончил через три года со званием младшего лейтенанта и правом работать в должности оперуполномоченного уголовного розыска. По протекции того же Крылова Аксенов практически сразу попал в городское УВД, в отдел по борьбе с грабежами и разбойными нападениями – к этому времени Крылов и сам перевоплотился из участкового в старшего опера этого же подразделения. И несколько лет они работали бок о бок, в одной группе...

...Пока не столкнулись с Жилой.

Бармен принес кружку пива и тарелку с орешками, поставил перед Аксеновым. Увидев сигареты на столе, он напомнил:

– У нас не курят.

– Знает он все, знает, расслабься, – отмахнулся Крылов. Когда бармен удалился, Крылов тут же запустил руку в орешки. – Как Ольга?

Аксенов отмахнулся.

– Да как всегда. Лучше не спрашивай.

– Сколько раз я тебе говорил, начни уже с уважением относиться к своей жене, – поморщился Крылов. – Если у нее есть какие-то странности или даже заходы... Так они есть у каждого. А быть женой опера – дело непростое. Помягче с ней, Денис. Если на старости лет не хочешь остаться бобылем, как я.

– Мягче меня только пластилин, – огрызнулся Аксенов.

– А чего тогда ты сюда приперся, а не домой к жене покатыл, а? Вот об этом я как раз и говорю. Вечер нужно проводить с семьей. Пока она у тебя есть.

Аксенов вздохнул.

– Жила вернулся.

Крылов почти не отреагировал – если не считать изменившегося взгляда. В глазах опера на пенсии мелькнула сталь.

Пять лет назад

Улица была погружена во тьму – фонарей здесь не было никогда. Это была промышленная окраина города, где располагались заброшенные и работающие цеха многочисленных предприятий, склады, оптовые базы, автобусные станции и мастерские. По ночам жизнь здесь практически замирала. Лишь редкие автомобили ползли, подпрыгивая на колдобинах, по старой и разбитой грузовиками дороге.

Старенькие «жигули» стояли напротив длинной стены, тянущейся вдоль улицы и уходящей, насколько хватало обзора, в темноту. Метрах в 50 от «жигулей» располагался въезд на территорию с заброшенной сторожкой и навечно поднятым шлагбаумом. Охрану объектов на некогда крупной оптовой базе обеспечивали сами объекты – фирмы, арендующие здесь складские помещения или владеющие ими.

– Убери трубу, – бросил Крылов, тревожно всматриваясь вперед, в темноту. Сидящий на пассажирском сиденье Аксенов вздохнул и спрятал сотовый телефон в карман.

– Нет же никого, Леонидыч.

– Пока нет. Твоя мобила горит так, что за километр видно.

– Надо было аудио-книгу какую-нибудь скачать, – проворчал Аксенов, ерзая на неудобном продавленном сиденье. – Хоть время бы с пользой провел.

– Хороший опер умеет ждать столько, сколько нужно. – Нравоучения со стороны Крылова были обязательным атрибутом их совместной работы, поэтому Аксенов промолчал. – Что там у остальных?

Переключка была минут десять назад, но Аксенов послушно взял рацию.

– Народ, что у вас? Машина три?

– Все пучком, никого, – изрыгнула хрипящая старая рация.

– Машина два, что с обстановкой?

– Движения нет. Мы ППСам сказали, чтобы не совались?

– Вторую ночь уже не спуются, – отозвался Аксенов. – Скоро молит ься на нас будут.

Крылов, пока Аксенов общался по рации, достал из бардачка завернутый в газету бутерброд, взял термос и налил в крышку-стакан еще горячего кофе. После последней реплики Аксенова он поморщился:

– Хорош гадить в эфире.

Аксенов положил рацию на панель, посмотрел на часы.

– Половина второго. Вряд ли они покажутся сегодня.

– Не сегодня так завтра, – пожал плечами Крылов. – Бутер будешь?

– С вечера закормленный.

Рация прохрипела голосом опера из машины-2:

– Грузовик.

– Порожняк, наши на легковушке работают, – отозвался опер из машины-3. Слушая их, Аксенов сладко и долго зевнул. Мимо них прополз, гроыхая на выбоинах, порожний «Камаз». Он прополз мимо проходной оптовой базы и вскоре скрылся в темноте.

– Денис, эти склады за месяц уже три раза выставляли, – сказал Крылов, покосившись на скучающего Аксенова. – И каждый раз перед налетом тут тусовались подозрительные типы, которых никто не знает. Разнохивали обстановку. В понедельник здесь снова вертелись какие-то мутные типы. Они сработают снова, зуб даю.

Аксенов пожал плечами. Рация снова ожила, опер из машины-3 возвестил:

– У нас движуха. «Логан», внутри четверо.

Крылов собрался, быстро закрыл термос и бросил на заднее сиденье. Вскоре впереди показался свет фар. Он приближался, и вот из темноты выплыли очертания легкового автомобиля. Крылов и Аксенов не отрывали от него глаз. Но «рено-логан» прокатил мимо проходной. Миновав припаркованную метрах в 10 от обочины – чтобы не привлекать внимание – машину оперов, «логан» поехал дальше.

– Порожняк, – заключил Аксенов. Крылов оглянулся и прищурился, пытаясь разглядеть номер.

– Степан 391 Константин Константин. Запиши на всякий пожарный, потом пробьем. Вдруг они, присматриваются.

Аксенов хотел так и сделать, но в его кармане завибрировал сотовый.

– Черт... СМСка.

– Ладно, я сам, – Крылов, с усмешкой косясь на молодого опера, взял с панели приборов блокнот. – С кем ты там по ночам переписываешься? Опять та баба? Как ее, Таня?

– Почти. Ольга.

– У вас серьезно или как?

– Трахнемся – потом скажу. Скорее всего нет. Но ей знать не обязательно.

– Как был малолетний упырь, так и остался, – рассмеялся Крылов.

В это время снова ожила рация:

– Мужики, внимание, «логан» разворачивается, идет на второй круг.

Крылов напрягся.

– Это они. Убирай мобилу!

Аксенов поспеишно спрятал телефон в карман. А потом позади них забрезжил свет фар. «Логан» приближался. Проехав мимо почти незаметной машины оперов, стоящей около мусорных контейнеров в стороне от проезжей части, «логан» двинулся дальше. До проходной базы оставалось метров десять, когда на легковушке моргнули стоп-огни – «логан» притормаживал, чтобы свернуть в ворота.

– Внимание, это они, – возвестил Крылов по рации. – Это наши клиенты!

«Логан» скрылся за воротами. Сразу же Крылов завел двигатель. Фары он включать не стал. Темный силуэт «жигулей» выкатил на дорогу и медленно покатил к проходной. Крылов снова взялся за рацию:

– Стягиваемся на территорию, медленно, никаких фар. Спугнуть нельзя.

– Понял, – по очереди отозвались коллеги.

«Жигули» оперов поползли к воротам на погруженную во мрак территорию.

«Рено-логан» остановился в двух десятках метрах от склада и погасил фары, после чего из машины выскочили трое. Три тени – каждый с дробовиком и в одинаковых рабочих комбинезонах – бросились за угол склада. Ханыгин, оставшийся за рулем, не глушил двигатель, как и приказал Жила. Опустив стекло, он услышал далекий звон – Жила, Шкет и Рыжый выбили окно.

Сторож встrepенулcя в своей сторожке. Может, показалось? Он выключил звук на крохотном походном телевизоре, который приносил на дежурства из дома и прислушался. Вроде бы тихо. Но на всякий случай сторож взял со стола дубинку и шагнул к двери.

Он успел лишь дотронуться до ручки. Мощным ударом ноги Жила распахнул дверь, едва не сбивая с ног сторожа, и обрушил на его голову мощный удар дробовика. Сторож с выбитой челюстью рухнул на пол – он отключился сразу же.

– Вяжи его! – рявкнул Жила Рыжему, бросая ему моток скотча, после чего обернулся на Шкета: – Ищи с ейф!

Ханыгин, сидящий за рулем, посмотрел на часы на панели приборов. Две минуты. Пора. Он тронулся. «Рено-логан» медленно подполз к дверям склада, расположенным рядом с массивными подъемными воротами.

– Сюда! – крикнул Шкет.

Сейф находился в офисной каморке через две двери от сторожки. Жила и Рыжый быстро прошли внутрь, Рыжый скинул со спины рюкзак и выудил из него легкий и компактный сварочный аппарат.

– Быстрее, – скомандовал Жила.

Нацепив очки, Рыжый включил сварку – и огнедышащий снап искр вгрызся в металл.

Ханыгин снова бросил взгляд на часы. Четыре минуты. Через две-три минуты они должны выйти. Еще ни разу работа не занимала больше семи минут.

Вдруг в зеркале заднего вида мелькнула какая-то тень – Ханьгин скорее почувствовал ее, чем увидел. Дернувшись, он обернулся. В ту же секунду водительская дверь распахну-

лась, и Ханыгина выдернули из машины мощные руки двух бойцов ОМОНа. Ханыгин не успел открыть рот, как получил такой удар в живот, что захлебнулся собственным дыханием.

Другие спецназовцы, в шлемах с пуленепробиваемыми забралами и с автоматами в руках, уже стягивались к дверям офиса, беря ее в клещи с двух сторон.

– Документы тоже, берем все! – рыкнул Жила. Рыжий и Шкет выгребали в клетчатую капроновую сумку все содержимое сейфа. Пачки с деньгами, накладные, сотовый телефон. Под ворохом бумаг обнаружили еще 20—30 тугих пачек пяти тысячных купюр.

– Здесь до х... бабла! – обрадовался Рыжий, запихивая деньги в сумку. – Все! Может, по столам пошмонаем, вдруг...?

– Уходим, – рыкнул Жила, первым выходя из офиса.

Первыми из офиса вывалились Рыжий с рюкзаком в руках и Шкет, волочащий на плече баул. И тут же на них со всех сторон бросились вооруженные спецназовцы, оглашая ночь криками:

– На землю! Ми лица! Лежать!

Рыжий мгновенно плюхнулся вниз. Шкет заколебался, и на него мгновенно навалились двое бойцов. Еще двое омоновцев рванули к дверям склада, но изнутри их встретил мощный выстрел. Заряд дробовика отбросил бойцов назад, одному разнесло плечо, и он истошно завопил. Остальные бросились к двери, паля в темноту из автоматов.

Жила бросился назад по темным помещениям склада. Услышав крики за спиной, он на бегу обернулся и дважды жახнул в темноту. Кто-то закричал. Со всех ног Жила пустился в заднюю комнату с разбитым окном, через которое они проникли на склад.

– Сзади! Они через окно вошли! Сзади! – кричал Крылов, бросаясь за угол. За ним бросились двое омоновцев. Аксенов, пораженно глядя на истекающего кровью и кричащего бойца, которого обступили соратники, еле заставил себя вернуться в реальность и пустился за Крыловым.

Жила выпрыгнул из окна, но на него уже бежали тени.

– Суки! — проорал он, открывая огонь.

Первый же заряд дробин угодил в бедро Крылова, и он, дико взыв, рухнул на землю. Бегущие за ним спецназовцы открыли огонь из автоматов, но Жила стремительно сорвался с места и, пригибаясь и петляя под градом пуль, исчез за поворотом.

– За ним! – орал Аксенов, с ужасом подбегая к раненому Крылову. – Быстро, мужики, за ним!

Он плюхнулся на землю перед Крыловым. Того колотило от боли, глаза дико вращались. Из раны размером с кулак на бедре хлестала кровь. Аксенов в шоке отшатнулся, даже в темноте увидев потоки крови.

– Б... дь, Леонидыч! Скорую! Вызывайте скорую! – сорвав с плеч пиджак, Аксенов скомкал его и прижал к ране на ноге Крылова. Самого Аксенова трясло от шока. Глянув на бледное и наполненное ужасом лицо истекающего кровью напарника, Аксенов истошно взвыл, срывая голос: – Скорую, б... дь, сюда!!

– Сбежал, значит, сука, – хмуро кивнул Крылов.

– Мы взяли Ханыгина. Помнишь, водила ихний? Который Жилу сдал? За разбои, с одним корешом стал хаты выставлять. А ведь завязал.

– С Жилой он связан?

Аксенов покачал головой.

– Жила ему кишки бы выпустил и все. И Ханыгин об этом знает. Не говорит ничего, зараза. Но я думаю, он после пяти лет завязки снова взялся за старое, чтобы на скорую руку бабла поднять. И свалить из города. Узнал про Жилу – и понял, что надо валить. Потому что Жила до него доберется, и за косяк придется отвечать.

– Запросто, – согласился Крылов. – Эта сука зверь настоящий... Я в ментуре почти тридцать лет провел, Денис. А такого как он отморозка не встречал. До сих пор не могу забыть, как мы тогда взять его пытались... Урод мне ногу чуть не отстрелил. Я еле выкарабкался. Два года по больницам мотался... Хромаю теперь, б... дь. А если бы не эта падла, может, до сих пор в операх бы ходил.

Аксенов с сочувствием посмотрел на наставника, зная, какое огромное место в его жизни занимала работа.

– Тебе еще повезло, Леонидыч. Одного из бойцов так и не спасли.

Крылов отмахнулся. Внешне он был всегда сдержан. Но когда Крылов потянулся к сигаретам, Аксенов сообразил, насколько неприятной для него была новость про Жилу. Бармен за стойкой поднял голову:

– Виктор Леонидыч, у нас не...

– Стаканы протирай свои, – осадил его Крылов. Бармен кашлянул и затих за стойкой. Крылов все же отложил сигареты в сторону. А потом поднял глаза на Аксенова.

– Денис, эта тварь настоящий терминатор. Его обложил взвод спецназа, а он умудрился не только свалить, но и подстрелить троих ментов. Поэтому послушай-ка меня, сынок. Его ищет УФСИНовцы? – вот и пусть ищут. А ты не лезь на рожон, занимайся своими делами. Я не хочу тебя хоронить, понял?

Аксенов промолчал.

Фокин стоял на тротуаре и закуривал, когда у обочины перед ним тормознула машина Ефимова. Тот усмехнулся:

– Ты опять куришь?

– Не опять, а снова, – проворчал Фокин, пожимая ему руку. – Как дела?

– Потихоньку.

– Это было вежливое вступление, если ты догадался.

– Не дурак, – хмыкнул Ефимов и, выудив из кармана несколько купюр, протянул Фокину. Тот быстро спрятал их в кармане. – Видел мой материал по твоей последней информации? – На сайте.

– Она кстати и на сайте больше всего просмотров получила. А в газете пошла на третью полосу, основным материалом. Так что гордись.

– Мне-то что? В газете твое имя, ты и гордись.

– Ты хотел просто деньги взять, или у тебя для меня еще что-нибудь есть?

– Еще как есть, – довольно кивнул Фокин. – Мы вчера банду взяли. Двое в полицейской форме.

Ефимов покачал головой.

– Извини, не интересно. Пресс-служба уже дала подробности, наши делают треть полосы на «Криминале» на завтра.

– Фига се, – расстроился Фокин. – Долбаная пресс-служба, весь хлеб отнимают... А там какие подробности? Они сказали, что те козлы сопротивление оказали? Собровцы подстрелили одного.

– Само собой. И следственный комитет тоже комментарий дал. Говорю же, полноценный материал.

– Ну елки-палки! Я там был, сам все видел, а ты пишешь статью по пресс-релизу, да? Зашибись вообще.

– Сергей, у нас ежедневная газета, – удивился Ефимов. – Ты мне с информацией офигенно помогаешь, я тебе сто раз говорил. За это я тебе кстати бабки и даю из нашего фонда. Но если что-то случилось, мне это нужно уже на следующий день, понимаешь? Не через два

дня, не через три – а на следующий. Ну а кто не успел, тот опоздал. Если бы ты утром или хотя бы в обед позвонил – базара нет, а так...

– Да ясно все, – вздохнул Фокин. – Журналиги проклятые. Знаешь, за что вас никто не любит? Вот как раз за это.

Ефимов расхохотался.

– Зато от ментов у нас вся страна тащится, да?

Когда Аксенов приехал домой, уставший, мрачный и чуть хмельной, Ольга плакала на кухне. Увидев это, Аксенов изумленно шагнул к жене.

– Оль, ты чего?

– Ничего, – всхлипнула она.

– Да что случилось?

– От тебя пивом пахнет? Опять к своему Крылову заезжал?

– Мне посоветоваться надо было, по работе.

– Ну да, я забыла, теперь это так называется, – съязвила Ольга, вытирая слезы.

– Блин, ты из-за этого рыдаешь?

– Я не рыдаю.

– Может, расскажешь уже или как? – Аксенов начал терять терпение. – Что стряслось вообще, Оль? На работе что-то или...?

– Нет у меня больше работы, – жалобно отозвалась она. – Меня сократили.

– Что?

– Глухой, что ли? Сократили меня. Меня и еще девять человек. В целях, блин, оптимизации. Безработная я теперь, понял?

Вечно неуверенная в себе Ольга сейчас наверняка и вовсе считала, что жизнь ее закончена. Вспомнив слова Крылова о жене, Аксенов ласково обнял ее за плечи, погладил по голове.

– Вот для чего это собрание сегодня было, – жаловалась Ольга. – А я, дура, опоздать еще боялась... Денис, я три года своей жизни этой дурацкой шарашке отдала! Видишь ли, продажи у них упали. Потому что продажи надо специалистам поручать, а не любовнице своей, кобель старый!

– Значит, скоро у него начнет падать кое-что еще, не только продажи, – хмыкнул Аксенов. Ольга невольно усмехнулась сквозь слезы.

– Это точно. Надеюсь, упадет так, что никакая «Виагра» не поможет.

Склонившись к Ольге, Аксенов поцеловал ее.

– Не расстраивайся ты. Ну сократили, и что? Все к лучшему, сама знаешь. Тебе эта работа ничего не приносила. Зарплата маленькая, коллектив дурацкий, интриги и все такое... Вот пусть и копошатся в своем змеином гнезде дальше. А мы найдем тебе нормальную работу. Правильно?

Ольга с надеждой кивнула и тут же в знак благодарности прижалась к нему, продолжала всхлипывать.

Они еще долго разговаривали: пока разогревали ужин, пока Аксенов ел, а Ольга сидела рядом, пока укладывались спать. Наконец Ольга, выговорив все обиды, уснула на плече Аксенова. Улыбаясь, он слушал ее дыхание. Покосился на часы. 1:16. Поздно, пора бы и самому уснуть. Но сон не шел. Глядя в потолок, Аксенов не мог забыть события пятилетней давности, которые новым витком внезапно вернулись в его жизнь.

Пять лет назад

Так светло перед складом в это время суток не было, пожалуй, некогда. Десяток машин – «Газель» группы немедленного реагирования из дежурной части, экипажи ППС, мест-

ные опера, «скорые». Фары слепили, а вспышки мигалок было видно, наверное, даже за огромной территорией базы.

– Вы с нами? – крикнул Аксенову фельдшер, заталкивая в «скорую» носилки с отключившимся Крыловым. – Вы с НАМИ?!

Аксенов был в таком шоке, что почти ничего не понимал. Вздвогнув, он пытался решить. Фельдшер рывкнул, прыгая в машину:

– Нет времени, он умирает!

«Скорая», немедленно огласив всю округу воем сирены, рванула с места. Аксенов остался стоять, пытаясь вернуться к жизни. У него перед глазами стояло лицо истекающего кровью Крылова.

Аксенова замутило. Он даже не успел добежать до угла склада, его вырвало прямо на колесо ближайшей патрульной машины. Стоящие около склада ППСники лишь мрачно переглянулись и отвели глаза.

– Твою мать, – пробормотал Аксенов, вытирая рот. Как ни странно, ему полегчало, словно вместе с остатками непереваренной до конца пищи ушла и часть пережитого. Осмотревшись и пытаясь различить что-то в толчее из людей и машин, наводнивших территорию перед местом бойни, он увидел оперов, которые жестко прессовали закованного в наручники Шкета. Учтывая, что в перестрелке тяжело ранили троих сотрудников – задержанного могли в ярости даже забить до смерти – и никто не сказал бы ни слова.

– Где он, сука? Куда он пошел?

– Я не знаю, – скулил Шкет. – Отвечаю, не знаю.

Оперов это не убедило, и Шкет получил мощный удар в бок ботинком, от которого захрипел.

– Где он?! Адрес?

Аксенов различил перед собой знакомое лицо. Опер из управления.

– Ты как, Аксенов?

– Я-то что, не меня продырявили, – подавленно сказал он. – Ох... ть, как он мог уйти? Его преследовали четверо подготовленных, б... дь, бойцов! Как?

– Спроси что попроще, – мрачно отозвался опер.

Аксенов нахмурился, вспомнив про Ханыгина.

– Где водила?

– В воронке, его наши колят.

– В каком?

Опер и Аксенов добрались до одной из машин ППС. Внутри, прикованный наручниками к поручню, сидел бледный и избитый Ханыгин, над которым нависали двое разъяренных оперов. Когда Аксенов подошел к машине, один из оперов врезал Ханыгину в зубы.

– Ты у меня, падла, заговоришь, ты понял меня?!

– Отойди, – сказал Аксенов.

– Что?

– Отошел нахер отсюда! – рывкнул Аксенов. Опер сначала опешил, но что-то в лице Аксенова заставило его лишь молча сжать зубы и отступить. Аксенов забрался в воронку и сел напротив Ханыгина. Тот затравленно смотрел на опера.

– Эта сука подстрелила троих ментов, – сказал Аксенов. – У меня на глазах. Я не знаю, кто он тебе. Кореш, брат, сват... Плевать. Но ты понимаешь, что менты перевернут этот город с ног на голову, но найдут его?

Ханыгин молчал.

– Ты хочешь пойти с ним по одной статье? Покушение на жизнь сотрудника? Там двадцаточка светит. И это не считая разбоев. Ты готов ради своего кореша на пожизняк идти?

– Я ни в кого не стрелял, – пробормотал Ханыгин. – У меня даже оружия не было.

– А никого не кольшиет. Аксенов, пристально наблюдая за ним, заметил, что у Ханыгина дрожат руки. А еще – заметил кольцо на безымянном пальце правой руки.

– Трое ментов за раз, – напомнил Аксенов, не сводя с Ханыгина глаз. – Такого у нас не было лет 15, наверное. Это будет показательный суд. Чтобы остальным неповадно было. Ты это понимаешь?

Ханыгин не ответил, лишь опустил глаза.

– Значит, понимаешь, – кивнул Аксенов. – А теперь послушай меня... Как тебя зовут?

– Павел.

– Послушай меня, Паша. Вас было четверо. Но ствола не было только у тебя. Ты не оказывал сопротивление. И плюс ты не принимал участия в самом налете. Ты просто водила. Ты даже внутрь не заходил. У тебя офигительные шансы отмазаться. Только у тебя. У тебя одного из всей банды. Ты женат, да? – Ханыгин бросил на Аксенова быстрый взгляд. – Давно женат? Любишь, наверное, жену, а? Паша, ты можешь получить условку. Ваш главный получит максимальный строгач. Те двое лет по 10–15. Но ты можешь отделаться условкой. Понимаешь?

Ханыгин помолчал.

– Условкой – если...?

– Если ты сдашь этого упыря. Не когда-нибудь, уже в СИЗО, а прямо сейчас. Урод подстрелил троих ментов, Паша. Один из них мой друг. Больше, он мне как отец. И я тебе обещаю. Сдаешь его прямо сейчас – я этого не забуду. И я сделаю все, чтобы помочь тебе. Просто скажи, куда могла пойти эта сука.

Ханыгин ответил не сразу. Взвешивая за и против – с одной стороны страх, с другой желание быть на свободе – он протяжено выдохнул. И наконец отозвался:

– Он у Светки. Это его баба. Она живет на Краснознаменной.

Меньше чем через час группа спецназовцев уже штурмовала квартиру. Учитывая, с кем они имели дело, задержание решено было провести с размахом. Двое бойцов на веревках спустились с крыши на уровень шестого этажа, где располагалась квартира Кибиревой, один из них заглянул в освещенное окно. Подал знак второму. Бесшумно переместившись к другому окну, второй боец также заглянул внутрь. После чего тихонько бросил в эфир:

– Кухня. По коридору налево. Он один.

А потом начался штурм.

Жила глушил водку, стараясь залить стресс после западни, из которой вырвался чудом. Голый по пояс, он сидел около бутылки водки и просто курил и пил – одну за одной. Услышав мощный грохот в прихожей и одновременно с этим визг Светы, Жила подорвался. Но в ту же секунду окно за его спиной разлетелось вдребезги, и в комнату ногами вперед влетел спецназвец с автоматом.

Реакция Жилы была чудовищной. В мгновение ока он успел отскочить в сторону и разнести бутылку водки об голову спецназовца. Тот свалился вниз, в груды осколков. Рыча от ярости, Жила врезал ему кулаком в лицо, добивая, после чего дернул на себя автомат...

Ничего больше он сделать не успел – на кухню влетели трое бойцов и сразу открыли огонь над головой бандита. Жила плюхнулся на пол, в осколки оконного и бутылочного стекла, которые сразу же до костей впились в его тело, и заорал:

– Я без оружия! Без оружия!

– Руки за голову! Ноги расставил, сука! – кричали спецназовцы. Заламывая ему руки до хруста в суставах, они не церемонились: несколько ударов тяжелыми армейскими сапогами припились по ребрам, пара ударов по лицу, ломая нос и разбивая рот в кровь. Скрутив окровавленного и избитого Жилу, они поволокли его к выходу. Когда они проводили его мимо гостиной, краем глаза Жила увидел лежащую на полу перепуганную насмерть Свету, которая верещала:

– Я ничего не делала! Артем! Отпусти! Артем!...

В двери Жилу встретили опера. С ненавистью глядя на скрюченного пополам могучего телосложения бандита, Аксенов бросил:

– Пакуйте. Его бабу тоже.

Когда спецназовцы поволокли Жилу к лифту, он успел повернуть окровавленную голову и увидеть лицо Аксенова перед тем, как он скрылся в дверях квартиры.

Аксенов вздрогнул, просыпаясь. На тумбочке вибрировал, озаряя темноту вокруг светом горящего дисплея, сотовый телефон. Протерев глаза, он торопливо вскочил. Ольга всхрипнула во сне и отвернулась. Хватая сотовый, Аксенов машинально посмотрел на часы. 3.51. Какого черта, мысленно выругался он и выскользнул из спальни. Лишь в прихожей, чтобы не будить жену, Аксенов ответил на звонок.

– Аксенов, слушаю.

– Капитан Аксенов? – голос был незнакомый. – Разбойный отдел главка?

– Кто это?

– 5-й ОВД, Корнеев, дежурный опер. Вы нам нужны.

– Я? – Аксенов был обескуражен. – Зачем?

– У нас мокруха. И вы... вы должны это видеть, капитан.

Аксенов понял все, когда услышал адрес, по которому его ждали коллеги. Наспех одевшись и прыгнув за руль, Аксенов сразу же отправился на место, несясь по пустынным ночным улицам. Его путь лежал в частный сектор.

Свернув на нужном перекрестке узких неасфальтированных улиц, Аксенов сразу увидел, что происходит. Перед наполовину выгоревшим и почерневшим домом стояли два пожарных расчета. Огнеборцы одного из них скатывали пожарные рукава, рукав другой машины все еще тянулся через распахнутые и уцелевшие при пожаре ворота в темноту двора. То, что еще недавно было домом, слабо курилось – дымок плясал в свете прожекторов, бьющих с крыш пожарных машин.

Когда Аксенов вышел из «пежо», к нему шагнул тип средних лет.

– Капитан Аксенов? Это я звонил.

– Комитет уже вызвали?

– Само собой. И комитет, и убийчики обещали подъехать, – опер хмуро посмотрел на дом. – Пожарные говорят, очаг возгорания был в прихожей. Там разлили горючую жидкость, бензин или что-то вроде того, и подожгли. А труп был в зале. Поэтому жмур выгорел не полностью, только поверхность тела, ну и...

– Показывай, – мрачно оборвал его Аксенов, первым шагая к воротам.

Они прошли во двор, пропахший мокрой сажей, и шагнули в темноту сгоревшего дома. Опер передал Аксенову фонарь:

– Не налетите ни на что, капитан. Зал вон там, налево...

Аксенов прошел мимо пожарного, который копошился в грудe обгоревшего скелета того, что совсем недавно было прихожей. Под ногами чвакало – весь пол дома был залит водой и пеной. В доме воняло так, что дышать было почти невозможно – Аксенов невольно прикрыл нос рукавом. В гостиной их встретили еще двое пожарных, которые тихо переговаривались, глядя на пол.

Там лежал обгоревший труп. Полностью черный, обугленный, но ткани сохранились почти все – от этого мертвец выглядел еще более ужасно, словно восставший из ада некромант. Аксенов выругался себе под нос:

– Твою же мать...

– Женщина, – бросил один из пожарных, уходя. Опер, закрывавший рот платком, взглянул на Аксенова.

– Вот что было у нее в руке, капитан. Не сгорело каким-то чудом. Она, наверное, крепко сжимала... От боли или... не знаю.

С этими словами он протянул Аксенову полиэтиленовый пакет. Посветив на него фонарем, внутри Аксенов увидел остатки своей визитки – обгоревшая по краям, она все-таки сохранила фамилию, имя и должность, а также один из указанных на визитке телефонов.

Аксенов был подавлен и разбит, словно он налетел на бетонную стену.

«Я попытаюсь помочь вашему мужу, чтобы ему дали условный срок, – соврал Аксенов, вручая эту самую визитку тогда еще живой женщине. – А вы, если вспомните вдруг что-нибудь – позвоните, хорошо?»

– Знаете, кто труп? – спросил опер.

– Ее фамилия Ханыгина, – мрачно отозвался Аксенов. – Сегодня утром мы обыскивали этот дом. Сегодня утром...

Часть 2

– Как...?

– Уверен, что хочешь это знать?

– Как ее... убили?

Аксенов вздохнул.

– Ножом. Два удара. Выполненные профессионально. Она умерла сразу, Паш. Не мучалась.

– А он ее... – Ханыгин помедлил, боясь сказать это слово. – Он с ней... делал что-нибудь еще?

– Нет, – соврал Аксенов. Он не был уверен, потому что вскрытия Ханыгиной еще не провели. Но ее мужу, внезапно ставшему вдовцом, знать об этом было не обязательно. – Просто убил. Он искал тебя, Паш. Не нашел и решил оторваться на жене.

Ханыгин сдавленно кивнул. Посмотрел на свои руки, словно на них была кровь супруги. Хотя отчасти – так оно и было. Но лишь отчасти.

– Ты боялся, что Жила придет за тобой, – мягко сказал Аксенов, отлично понимая, что сейчас чувствует задержанный. – Так оно и вышло, Паш. Поэтому я хочу спросить одну вещь. И ответь мне честно. Если ты, конечно, хочешь отомстить уроду за твою жену. Как ты узнал, что Жила вернулся? – видя, что Ханыгин колеблется, Аксенов продолжил: – Только не говори мне, что по телеку увидел. Я проверил. Вы совершили первый разбой за сутки до того, как ФСИН передала на местные каналы информацию о Жиле. А для работы нужна подготовка. Разведать обстановку, пути отхода... У вас с Сашко просто не было для этого времени. Как ты узнал про Жилу?

Ханыгин помолчал.

– Его баба, Светка... У нее есть брат. Родной брат, младший. Его зовут Толя. Мы с ним познакомились на суде.

– Тогда, пять лет назад?

Ханыгин кивнул.

– Жилу судили и по другим статьям. К этому времени суд по разбоям уже прошел. Мне дали условку, Шкету и Рыжему по семь лет. Само собой, я пошел на приговор Жиле. Хотел знать, сколько ему дадут... Там и познакомились с Толяном.

Это было что-то новенькое, о существовании брата Аксенов не знал. ФСИН им тоже по какой-то причине не интересовались.

– Значит, Толя?

– Он ко мне тогда подошел. Поблагодарил даже за сестру. Мол, спасибо, что помог закрыть эту суку. Он ненавидел Жилина. Толик любит сестру, а Жилу он боялся всегда. Знал, что он Светку под монастырь подведет... Но самому Жиле ни слова не говорил, сами понимаете.

– Еще бы, – Аксенов вспомнил могучую комплекцию Жилы.

– Толик мне позвонил. Недели полторы-две назад. Сказал, что Жила возвращается. Он Светке звонил. Сказал, что он будет меня искать. Вроде Жила даже Светке по телефону сказал, что хочет... предъявить мне хочет.

– И ты решил поднять денег и лечь на дно?

Ханыгин помолчал.

– Я хотел увезти Валю в Крым. Русское средиземноморье... Мы там были пару лет назад. Она влюбилась в Крым. И я хотел увезти ее туда, на море. Найти себе какую-нибудь работу. Снять квартиру, пока наш дом будет продаваться. А потом свой угол купить. Начать жизнь заново...

Ханыгин не выдержал и заплакал.

– Ничего не понимаю, – покачал головой Долгов. Капитан ФСИН действительно выглядел озадаченным. – Жила столько сил убил, чтобы свалить с зоны – ради чего? Отомстить Ханыгину? Ну отомстит, а дальше? Ему дали 25 лет строгача, хотя обвинение, кстати, пожизненное требовало. А теперь ему уже без вариантов пожизняк светит.

– Думаю, он в курсе, – отметил Фокин.

Они сидели в кабинете опера ФСИН. Каморка была похожа на кабинет обычного опера – и одновременно не похожа. Такие же стол и сейф, увешанные ориентировками и агитками стены, но ко всему этому примешивался какой-то неразличимый строгий, почти военный антураж.

– Сейчас Жиле 38 лет, – сказал Аксенов. – А куковать ему осталась целая двадцаточка. Выйдет уже стариком. Может, понял, что жизнь уходит.

– Да хрен его поймешь, – проворчал Долгов. Найдя на столе бумажку, пробежал глазами. – Значит, пожарные говорят, в доме бардак царил, все раскидано?

– Он что-то искал перед тем, как спалить там все, – кивнул Аксенов.

– Что?

– Думаю, деньги. Его сейчас ищет каждый мент в городе. По-хорошему, ему надо валить куда-нибудь, подальше отсюда. Но для этого нужны бабки.

Долгов нахмурился.

– Но бабок в доме он не нашел?

– Их нашли мы, – отозвался Фокин. – Тридцать штук и техника, которую Ханыгин еще не успел толкнуть. Так что в доме Ханыги Жила не смог вообще ничем поживиться.

– Ладно, – перешел к делу Аксенов. – Брат Кибиревой. Что у вас есть на него, Вася? Вы вообще по нему работали?

Долгов достал из открытого сейфа тонкую папку.

– Обижаешь. Анатолий Кибирев, 24 года. Работает сварщиком на стройке газопровода. Ни в одну неприятную историю никогда не влипал, не задерживался. Полностью законопослушный гражданин.

– Наружку к нему не приставляли?

– Жила спал с его сестрой, а не с ним. Если к каждому ее родственнику приставлять наружку, никакой наружки не хватит... – Долгов порылся в бумагах. – Да и вот данные по наружке за самой Кибиревой. За неделю брат ни разу у нее не показывался. Хотя они пару раз созванивались.

– За неделю, – отметил Аксенов. – Братец еще до этого знал о Жиле. И предупредил Ханыгина, чтобы сматывал удочки.

– Может, Жила у него затихарился?

– Вряд ли. Жила не станет доверять пацану, который, к тому же, терпеть его не может. Скорее всего, Толя узнал о Жиле от сестры.

– Но проверить Толю все равно надо, – сказал Долгов. – Кто займется?

– Ясен перец, вы, – развел руками Аксенов. – Наша работа – разбойные нападения.

Двое оперов ФСИН взяли на себя слежку за Толиком. Когда на следующий день утром парень отправился на работу, неспешно выходя из подъезда с сумкой на плече, один из оперов сразу набрал телефон Долгова.

– Кибирев ушел. Что нам делать, вести его?

– Разделитесь. Один пусть следует за пацаном, а второй начинает опрос соседей.

– Понял.

– Только по-тихому! Я не хочу, чтобы потом весь дом гудел, что пацаном силовики интересуются.

Опер вышел из машины, которая завелась и покатила вслед за Кибиревым.

Для опроса соседей ФСИН подтянул местного участкового, который знал свою территорию и мог подсказать, в какую дверь лучше не стучаться. Опер и полицейский показывали жильцам фотографию Жилы, но каждый качал головой.

– Никогда не видела. Я бы запомнила такую рожу, честное слово. А Толик хороший парень. С девушкой какой-то встречается. У них всегда тихо, спокойно. К нему никакие бандюганы не ходят, особенно такие, – соседка с негодованием ткнула в фотографию. А вот второй сосед при виде снимка удивился:

– Конечно, видел.

– Серьезно?

– Ну да! По телевизору. Говорят, этот громила из тюрьмы сбежал, да?

– По телевизору это понятно, – вмешался участковый. – Здесь вы его видели? Например, с вашим соседом из 36—й квартиры, с Толей Кибиревым?

Сосед, как и остальные, покачал головой.

А Аксенов и Фокин всю занимались закреплением материала по делу Ханыгина. На второй день, когда основные бумаги были переданы следователю, Аксенов выкроил время для встречи с Гулливером. Он был хозяином крохотной пивнухи, расположенной в темном полуподвале. Открывая пивную, Гулливер над названием думал не долго – и назвал пивную просто и со вкусом – «Гулливер».

Когда Аксенов спустился в пивнуху, внутри сидели лишь двое забулдыг, тоскливо похмеляясь после вчерашнего. Гулливер кивнул Аксенову, усевшемуся за крохотную стойку.

– Как жизнь, Гулливер?

– Все спокойно, Саныч, спасибо.

– Можешь говорить? – понизив голос, Аксенов покосился на забулдыг. Гулливер отмахнулся:

– Это левые, не из блатных. Все пучком, Саныч.

– Хорошо. – Аксенов положил перед осведомителем фотографию Жилы. – Видел такого?

– А должен был?

– Кликуха Жила, – тихо поведал Аксенов, закуривая. – Зовут Артем. Шкаф два на два метра. Отморозок конченный. Сбежал с зоны.

Гулливер присвистнул.

– Типа серьезный поц?

– Он где-то затихарился. Но вечно эта фигня продолжаться не буду. Зуб даю, Жила сейчас собирает бригаду.

Гулливер поморщился.

– Саныч, все знают, что я завязал...

– ... А я знаю, благодаря кому тебе получилось завязать, – сухо перебил его Аксенов. – И кто помог тебе, с твоими тремя ходками, пивнуху открыть.

– Так я что, отказываюсь помочь, Саныч?

– Слушай все, что происходит. Если услышишь, что кто-нибудь подтягивает пацанов для дела, или еще что-то мутит – сразу звони, понял? – вставая, Аксенов повторил: – Запомни, погремуха «Жила».

Опрос у соседей ничего не дал, и Долгову с его операми пришлось идти на непопулярные меры – они покопались в дверном замке Толи и вскрыли его. Но беглый осмотр показал, что ищут они не там.

– Пацан живет один, это точно, – развел руками опер. – Иногда баба бывает, в ванной на трубе лифчик висит. Но больше ничего.

– Значит, порожняк, – вздохнул Долгов. – Ладно, уходим, пока ментов никто не вызвал. Фокин тоже не терял времени: разобравшись с самыми неотложными делами, он позвонил Ефимову и договорился о встрече. Пересеклись они в подворотне за зданием редакции, подальше от посторонних глаз.

– На этот раз у меня шикарная новость, – заявил Фокин. – Но деньги вперед.

– Серег, что за дела? – ухмыльнулся журналист. – Мы же так не работаем.

– Теперь работаем. Мне нужно пять тысяч за информацию.

Ефимов оторопел.

– Сколько? Да у нас весь фонд для покупки информации сорок штук в месяц, на всю редакцию.

– Это стоит того, – довольно хмыкнул Фокин и показал ему фото Жилы. – Знаешь, кто такой?

– Конечно. Мы о его побеге информашку давали.

– А теперь у тебя будет большая статья и фотка на первой полосе, гарантирую.

Ефимов был заинтригован.

– Черт. Ладно, по рукам. Что там?

Фокин выложил все. Особо опасный преступник с подготовкой спецназовца не просто сбежал из колонии, о чем итак все знали, но уже успел убить человека и сжечь дом, пока его ищет вся полиция страны! – Ефимов был в восторге.

Вечером Аксенов, вернувшись домой, обнаружил Ольгу радостной и воодушевленной.

– Я уже два дня объявления о работе ищу, – объявила она. – В основном фуфло всякое, но догадайся, что я сегодня нашла в интернете?

– Деньги?

– Рекламная фирма, им нужен менеджер по рекламе. Зарплату обещают 30–40 тысяч в месяц, представляешь?

– Серьезно? – Аксенов был удивлен. – С такими зарплатами – и они не могут найти человека, приходится в интернете объявления давать?

– Да что ты докапываешься до мелочей...!

– Работа такая.

– ... Им нужен человек с опытом, а не абы кто со стороны. А мы когда с тобой познакомились, я как раз на радио агентом по рекламе была! У меня опыт два года, это уже кое-что, правильно? У меня хорошо получалось.

Видя, как Ольга сияет, Аксенов решил поддержать ее. Хотя бы, чтобы избежать скандала, которые в последние месяцы возникали у них все чаще – иногда практически на пустом месте.

– Если все получится... – он обнял жену. – Будет круто. Попробуй, конечно.

Утром по пути на работу Фокин заглянул в газетный киоск. Купив «Крим-вестник», он сразу же с довольной ухмылкой увидел фотографию Жилы на обложке. Страница пестрела громкими фразами: «Только у нас» и «Эксклюзив», а довершал картину заголовок аршинными буквами: «Убийца-спецназовец терроризирует город!».

– Фига се, ну ты загнул, Ефимов, – хмыкнул Фокин, на ходу листая газету.

Аксенов днем заехал на один из рынков, где в металлической коробке-ларьке с вывеской «Ремонт обуви» трудился Майорчик. Навыки в починке туфель и сапог у Майорчика действительно был, но основной его бизнес состоял совершенно в другом – пожилой уголовник занимался скупкой краденого. Было у него и еще одно направление деятельности, о которой во всем мире знали лишь двое – сам Майорчик и Аксенов. Мастер-ремонтник был осведомителем опера.

– Жила? Помню я его, командир, – кивнул Майорчик, возвращая Аксенову снимок беглеца-убийцы. – Лет шесть назад о нем многие базарили. Никто толком не знал, что он мутит, но Жила был всегда при бабках. И в авторитете у многих.

- Слышал что-нибудь за него в последнее время?
- Командир, смеешься? Если он с кичи ломанулся... думаешь, он отсвечивать станет?
- Попробуй аккуратно пробить по своим каналам, Майорчик. Это важно.
- Ну а я что получу? – хитро прищурился стукач. Аксенов усмехнулся:
- Сапоги жены тебе в ремонт привезу, каблук отвалился.

Так прошли три дня. Никаких известий по поводу Жилы не было, словно он сквозь землю провалился. Аксенов уже стал подозревать, что беглец скрылся из города после убийства Ханыгиной, узнав, что предавший его бывший член банды так не вовремя для Жилы угодил в руки полиции.

Аксенов заблуждался.

Офис «Почти даром» располагался на первом этаже жилой многоэтажки. Место было удобное – жилой массив, недалеко от автобусной остановки, в нескольких кварталах от городского рынка. «Почти даром» занимался микрофинансированием населения – небольшие кредиты до зарплаты без залога и поручителей.

Без пяти семь вечера директор офиса, посмотрев на часы, засобиравлась.

– Ну что, пора по домам? Кого подвезти?

Вопрос был риторический: охранник жил в соседнем доме, а девушка-кассир в квартале от начальницы. Но девушка улыбнулась из окошка кассы:

– За мной Саша заедет.

– Что-то намечается? – задорно протянула директор, но тут же перешла на деловой лад: – Ладно, печатай кассу. Сколько у нас сегодня?

Без трех минут семь вечера к дверям «Почти даром» подъехала машина. Пыльная и давно не знавшая мойки «киа». Регистрационные номера и вовсе были загажены настолько, что совершенно не читались. В машине находились четверо.

Охранник, возящийся около щитка сигнализации, заметил машину, выглянув в окно.

– Люди какие-то подъехали.

– Мы уже закрыты, пусть подходят завтра, – отрезала директор и, подхватывая сумочку, устремилась к двери. – Всем пока! Сигнализацию включить не забудьте.

Выйти она не успела. В дверь офиса ворвались трое в рабочих спецовках, вязанных шапочках с прорезями для глаз и с дробовиками в руках. Самый здоровый из них, передернув затвор ружья, громко рявкнул:

– Всем на пол!

Прогремел выстрел – главарь пальнул в потолок. Директор и девушка-кассир завизжали, плюхаясь вниз. Охранник опешил, лихорадочно косясь на грабителей и на щиток сигнализации. Но один из налетчиков, прыгнув к нему, двинул ему в живот прикладом дробовика:

– На пол, сука!

– Не стреляйте, умоляю, у меня дети! – в ужасе визжала директорша. Второй налетчик, шагнув к ней, не сильно, но ощутимо пиннул ее носком ботинка по бедру:

– Заткнулась!

– Этого разоружи! – рыкнул главарь сообщнику, кивая на охранника, после чегоскомандовал второму: – Кассу!

Бандиту повторять было не надо: он прыгнул к металлической двери в кассу и скрылся внутри. Главарь выглянул в окно, машинально сверяясь с часами.

Третий налетчик в это время разоружал охранника, сдирая с его пояса дубинку и электрошокер. Подняв глаза, охранник понял, что на него никто не смотрит.

Это был шанс.

Локтем он врезал в лицо склонившегося над ним преступника, после чего, вскакивая, вырвал из его рук дробовик.

– Всем бросить ору...!

Слово «оружие» заглушил гром выстрела: главарь всадил заряд дробы в грудь охранника. Мужчина с развороченной картечью грудью отлетел назад, с грохотом снося спиной рекламные стенды. Директор и девушка в ужасе закричали, но тут же главарь выстрелил еще раз в потолок и громогласно рявкнул:

– Заткнулись, или сдохните!

Уже через полминуты трое налетчиков выскочили из офиса «Почти даром», унося в сумке почти полмиллиона рублей. Когда они прыгнули в автомобиль, тот мгновенно сорвался с места – и, выскочив на проезжую часть, вскоре затерялся в потоке машин.

Охранник был мертв. Аксенов и Хохлов мрачно наблюдали, как его труп санитары морга выносят из дверей офиса «Почти даром».

– Охренеть, – буркнул Хохлов, морщась от расшалившейся изжоги. – Опять труп... Ты уверен, что это Жила?

– Его почерк, Петр Дмитриевич. В банде четверо – сам Жила, двое бойцов и водила. Работают очень быстро, на весь разбой у них ушло минут пять, не больше. Ну и плюс рабочие комбинезоны и помповые ружья. Жила на всех своих налетах использовал только дробовики.

– Значит, взялся за старое, сука...

– Его ищут все. Ему нужны деньги. А он знает только один надежный способ.

– Сколько взяли?

Аксенов сверился с блокнотом.

– Почти полмиллиона. Эта контора занимается выдачей микро-займов населению. По правилам у них в кассе всегда должна быть крупная сумма наличных. Ну и плюс деньги от сегодняшних операций.

– Неплохо.

– Не для Жилы, – возразил Аксенов. – Пять лет назад он нападал на оптовые базы. На каждом эпизоде он забирал 3—4 миллиона.

– И что?

– Сейчас ему бабки еще нужнее, чем раньше. А если он смог собрать команду... Петр Дмитриевич, этот разбой только начало.

– Охренеть, а... У вас есть хоть что-нибудь?

Аксенов хмуро покачал головой.

– Везде порожняк, Петр Дмитриевич. Агентура заряжена, но никто не слышал ничего ни о Жиле, ни о его корешах. Наводка Ханыгина тоже ничего не дала. УФСИНовцы проверили того пацана, брата любовницы Жилы, убили на это несколько дней. По-тихому опросили соседей, самого его под колпаком подержали, даже негласно обыскали квартиру – пусто. То есть, пацан не при чем, информация пошла от любовницы... но сама она круглосуточно под наружкой ходит.

Хохлов скривился. Торопливо выудив из кармана пластинку с жевательными таблетками от изжоги, майор, бурча проклятия, бросил одну себе в рот, после чего повернулся к подчиненному.

– Аксенов, поднимай в архиве розыскное дело на Жилу. То самое, пятилетней давности. Вы с Фокиным с сегодняшнего дня работаете только по этому уроду. Все остальные дела перебрасывайте на другие группы. Работайте в контакте с УФСИН, но отрабатывайте свои линии.

– Понял.

– Найди мне этого ублюдка, Аксенов.

И они искали.

Сразу после налета в городе был объявлен план «Перехват». Почти сразу выяснилось, что подпадающая под описание «киа» была угнана за сутки до нападения на другом конце города. Опера запросили в местном отделе материалы по угону, надеясь найти там какую-нибудь зацепку.

Зацепки не было.

Ближе к ночи в разбойный отдел позвонили из ГИБДД – дорожный патруль нашел угнанную «киа» за городом, в районе закрытого несколько лет назад комбикормового завода. Выехав на место, Фокин обнаружил два экипажа ДПС, стоявшие у обочины. А позади тлело то, что осталось от «киа». Автомобиль выгорел подчистую.

– Фига се, – мрачно оценил Фокин. – Они ее спалили. Огонь, наверное, издали видно было, здесь же степь. И что, в дежурку никто не звонил?

– Вот именно, здесь степь, – пожал плечами инспектор. – До загородного шоссе два километра, а по этой проселочной дороге и не ездит толком никто.

– И никаких следов, черт...

– Вызывать эвакуатор?

– Сначала криминалистов, – возразил Фокин, доставая сотовый телефон. У него были не самые хорошие предчувствия – если преступник уровня Жилы бросил машину, он наверняка позаботился, чтобы не оставит никаких следов.

И следов не было.

Аксенов дергал агентуру. Но похвастаться осведомителям было нечем. Майорчик лишь покачал головой, вертя ботинок с отошедшей подошвой:

– Как в гробу, командир. Я пересекся пару дней назад с одним человечком, тот когда-то корешился с Жилой. Но даже клинья подбить не успел. Как сказал про Жилу – тот сразу базар в сторону увел.

– Он что-то может знать? Кто такой?

– Эээ, нет, командир, так не пойдет, ты же знаешь. Я имен называть не буду, мне еще пожить хочется.

Аксенов сжал зубы, но промолчал.

– Ладно. Майорчик, Жила собрал все-таки бригаду. Четыре человека. Попробуй поспрашивать в этом направлении. Может, кто-то затих, у кого-то бабло появилось, и он по кабакам стал шастать и бабки просирать...

– Обещать не буду, но удочку закину, – согласился Майорчик. В это время к его будке подошел мужик с сумками, и Майорчик тут же развел руками, обращаясь к оперу: – Извините, мужчина, такой ремонт мы не делаем.

Наружка сосредоточилась на Свете Кибиревой, которая и так ходила под колпаком. Но та жила обычной жизнью молодой женщины. Утром шла на работу, вечером – иногда домой, иногда развлечься. На второй день после разбоя в «Почти даром» Света отправилась домой. Наружка почти обрадовалась, что работа на сегодня закончена, но через час Света снова вышла из дома.

– Внимание, второй, у нас опять движение. Объект куда-то намылился.

– Один?

– Угу.

– Она по вечерам редко выходит. Четвертый, подключайтесь. Держите объект плотно, но не жмитесь.

– Понял.

Света вышла на улицу и двинулась по тротуару к магазину. Вскоре рядом затормозила красная малолитражка. Выйдя из магазина, девушка уселась в автомобиль, который тут же стартанул с места. И в эфире понеслось:

– У объекта связь! Села в коробочку, «дэу-матиз», номер Светлана 363 Максим Георгий. Повторяю...

– Шестой, пробиваем номер...

– Объект свернул на Пушкинскую, движутся в сторону центра. Восьмой, принимай на Пролетарской...

Но тревога была ложной. Малолитражка вскоре остановилась около небольшой пиццерии. Из автомобиля, весело что-то обсуждая и хохоча, вышли Света и девушка-водитель.

– Второй, объект и связь вошли в пиццерию, угол Кичигина и Чичерина.

Один из оперов вскоре также нарисовался в заведении. И обнаружил девушек за столиком – они, непринужденно и весело общаясь, ели пиццу и пили безалкогольные коктейли.

– Порожняк, – разочарованно буркнул опер в микрофон, устраиваясь за угловым столиком с чашечкой кофе. – Барышни изволят развлекаться.

Наблюдение за Светой велось уже полторы недели. Но зацепок не было.

Аксенов в управлении вместе с опером Колокольцевым внимательно изучал записи с камер наблюдения, которые располагались в «Почти даром». Прилипнув к монитору, он следил за действиями преступников в одинаковых комбинезонах и с дробовиками.

– Работают жестко, – высказался Колокольцев.

– Жестко, но вот этот какой-то фраер. – Аксенов нажал на паузу и ткнул в монитор на бандита, у которого охранник, ударив его локтем в лицо, отбирал ружье. – Фигово работает, как лох последний. Дал себя разоружить.

– Ну и что? – проворчал Колокольцев. – Теперь мы знаем, что у Жилы в подельниках не спецназовцы, а обычные бандосы.

Колокольцев был прав – запись они просмотрели множество раз. Но зацепок не было.

Криминалисты в гараже управления тщательно изучили сгоревшую «kia». Вытирая руки тряпкой, криминалист покачал головой:

– Ничего. Следов ДНК никаких, само собой, пальцев тоже – все сгорело к е... ням.

– Фигово, – вздохнул Фокин. – А как они машину подпалили?

– Да как обычно. Смочили в бензобаке тряпку, оставили ее там и подожгли.

Никаких зацепок не было.

Аксенов и Колокольцев, продолжая изучать записи, сосредоточились на наружной камере: она запечатлела машину бандитов. И суетливо ерзающего в водительском кресле четвертого члена группы. Щурясь, Аксенов пытался разглядеть его лицо, проматывая запись снова и снова. Это был человек в бейсболке. Худощавый, но возраст было назвать сложно – очевидно, средних лет. Запись отправили криминалистам. На следующий день Колокольцев принес Аксенову заключение.

– Вот все, что они смогли вытянуть.

Колокольцев, жуя бутерброд, передал Аксенову подборку снимков. Это были 2—3 кадра, увеличенные в разных масштабах – в два раза, в три-четыре раза и так далее. Просматривая снимки, Аксенов раздраженно вздохнул – лицо было неразличимо.

– Ничего не видно. Просто пятно и все. Нам нужно лицо ихнего водилы, блин. Он один был без маски.

– Эксперты говорят, у камеры слишком маленькое разрешение, они и так сделали все, что можно, – развел руками Колокольцев.

Зацепок не было и здесь.

Света после посиделки с подругой на следующее утро едва не опоздала на работу, чем весьма позабавила оперов из наружки. А вечером она отправилась не домой, а села на автобус. Света вышла на Донецкой, накупила два полных пакета продуктов и отправилась к одному из жилых домов.

– Второй, объект вышел из магазина, нагрузилась жратвой по полной. Идет по Донецкой в сторону Дзержинского.

– Седьмой, у нее в доме 40 родители живут, – подсказал в эфире опер из страхующей группы. – Мы пару дней назад вели ее туда же.

– Все так. Объект заходит во двор, дом 40. А что родители, это точно?

– У нас все установочные на руках, – пояснил диспетчер. – Не расслабляйтесь там. Зада-ние четкое, фиксировать все.

Вздохнув, опер наружки поднял фотоаппарат и заснял подходящую к одному из подъез-дов Свету.

Слежка продолжалась, казалось, целую вечность. Но никаких следов контактов Светы с ее сбежавшем из колонии любовником по-прежнему не было.

Иными словами, у полиции не было ничего.

Аксенов возвращался домой поздно, уставший и раздраженный. Уставший – потому что с утра до вечера практически рыл землю, пытаясь найти хоть что-нибудь на Жилу. Раздражен-ный – потому что вся эта работа не приносила результата. Но расслабиться дома оперу не уда-валось – Ольга каждый день возвращалась домой в подавленном настроении. Вот и сегодня она мыла посуду, нарочито громко гремя тарелками.

– Ты ничего не приготовила?

– Я сама только что вернулась, – огрызнулась Ольга.

– А посуда откуда?

– Со вчера оставалась. Это что, допрос? Если есть хочешь, пельмени свари. Воду поста-вить?

– Я сам, – буркнул Аксенов. – А ты чего злая такая?

– Я не злая, – отрезала Ольга. Но желание поделиться оказалось сильнее. – На работе меня достали все... Честное слово – извлекли просто!

– Ты же только устроилась!

– И что? Там все свои, понимаешь? Все давно друзья-подружки.

– Пошушукаться не с кем? – не удержался Аксенов, но, встретив оскорбленный взгляд Ольги, заткнулся.

– Дело в работе. Если в приемную звонят насчет рекламы, секретарша знаешь, что делает? Соединяет с нашим отделом. Но к телефону просит только своих подружек. А если их нет, она просто просит клиента перезвонить. Скотина.

– Их тоже можно понять, – дипломатично отозвался Аксенов, мягко отстраняя Ольгу от крана, чтобы налить себе в кастрюлю воду. – Своя рубашка ближе к телу.

– Ну а мне что делать?

– А просто искать клиентов? Обзванивать, например? Как ты раньше делала?

– А-то я не догадалась! – всплеснула она руками. – В том-то и дело, там тоже все занято! Я только за телефон сяду, как все эти стервы начинают. «Ты куда звонишь? Туда не звони, это мой клиент!». «А это мой клиент, они мне обещали в следующем месяце рекламу», – с оби-дой и злом Ольга передразнила, вероятно, самую неприятную ей коллегу: – «У нас тут все перспективные клиенты заняты давно, но ты можешь обзванивать мелкие фирмы!». Сучка...

Ставя кастрюлю на плиту, Аксенов лишь вздохнул. Ольга работала на новой работе меньше недели – но негатива было больше, чем на прошлом месте. И Аксенов начинал подо-зревать, что дело тут вовсе не в коллегах.

На следующий день в разбойный отдел заехал Долгов – поделиться полным отсутствием подвижек.

– Фигня какая-то, – признался он. – Знаете, я розыском беглецов не первый год занимаюсь. У каждого преступления, по сути, есть свои методы расследования. Побег из тюрьмы не исключения. Все беглые делают одни и те же вещи – скрываются, не бывают в людных местах, ищут деньги, выходят на контакт с кем-то из родни или корешей... Но этот Жила, б... дь, у меня как кость в горле. Ничего!

– То же самое, – невесело согласился Аксенов. – По разбою у нас никаких зацепок. Агента молчит. Полный швах.

– Наша контора решила вознаграждение за Жилу объявлять. Сто тысяч рублей пока. Сегодня по телеку должны показать.

Фокин насторожился, мгновенно подумав – знает ли об этом его знакомый журналист? Немедленно решил, что знает – ведь у ФСИН есть собственная пресс-служба.

– Не самые большие бабки.

– Умный, да? Можешь свои добавить.

Фокин закурил, открыв форточку. Аксенов думал над словами Долгова и самой идеей вознаграждения за информацию.

– Никто из корешей и подельников Жилу сдавать не будет, это ясно. Они только на первом разбое полмиллиона подняли. Плюс они теперь все по мокрухе проходят. А обычные люди... Жила наверняка не высовывается, нигде не светится. Иначе мы бы его уже отловили.

– Иногда чудеса случаются, – пожал плечами Фокин.

– Ну вот смотрите. У нас за две недели так ничего и не сдвинулось по сути с мертвой точки, – сказал Аксенов. – С чем были, с тем и остались. А с чем мы были? У нас есть Света.

– Она под колпаком, Денис, – поморщился Долгов. – Ее четыре группы наружки кругло-суточно ведут. На прослушке даже рабочий телефон.

– И что, за полмесяца – никаких подозрительных контактов?

Долгов устало вздохнул, после чего открыл принесенную с собой папку с бумагами и забубнил, критически и с укором косясь на Аксенова:

– Один раз пересеклась с подружкой, ездили в пиццерию. Подружку мы пробили, там тоже все чисто – Анастасия Тимошкина, замужем, муж бизнесмен. Три раза приезжала к родителям, приносила им продукты. Два раза там ночевать оставалась. Один раз...

– Погоди, – вдруг насторожился Аксенов. – За две недели три раза к родителям заезжала?

– Ну да, а что?

– И приносила им продукты?

– Денис, люди иногда жрут, – проворчал Долгов. – Даже ваш майор с язвой, и тот наверняка точит.

– Погоди-погоди.

Аксенов открыл папку с материалами дела, быстро пролистал, пока не нашел нужный документ.

– Так. Сергей Витальевич Кибирев, 52 года. Мария Васильевна Кибирева, 51 год. Донецкая, 40, квартира 83.

– Все так.

– Погоди-ка...

Аксенов медлил, быстро соображая. Что-то мелькнуло в его голове – и сейчас он стремительно пытался перехватить ускользающую мысль. А когда это удалось, внутри опера словно что-то щелкнуло.

– Родители живут на Донецкой, сама она на Краснознаменной. Это в одном районе же. Зачем ей оставаться у них ночевать?

– Некоторые любят своих родителей, – хохотнул Фокин. Но Аксенов не был настроен шутить, его переполняло нахлынувшее вдруг возбуждение.

– Нет, я серьезно. Девке 27 лет, она живет одна, в собственной квартире. Если так любишь предков – переезжай к ним. Продай квартиру, или сдай ее. Но нет, она живет отдельно – и каждую неделю ночует у родителей. В чем прикол?

– Ты к чему вообще? – Долгов не понимал.

– Плюс смотри, они довольно молодые. Обоим чуть за 50. На Донецкой куча магазинов. Особенно в районе дома 40, я его знаю – там через сто метров супермаркет. У нее что, предки такие немощные в 50 лет, что не могут сто метров до магазина пройти? Им нужно, чтобы приехала дочка?

До Фокина начало доходить.

– Фига се! В натуре: зачем три раза за две недели приносить родителям продукты? Они что, немощные уже? Прямо оба или как?

Лицо Долгова вытянулось.

– Родителей мы на всякий случай давно проверили. Батя шоферит, здоровый как бык. Мать бухгалтер... – опер ФСИН даже не договорил, а осек сам себя и выругался. – Твою же в раскоряку...! Кибирева ходит не к родителям. Она ходит к Жиле.

Они вышли из лифта этажом ниже – на четвертом. Тихонько спустились на пролет вниз. Вытягивая шею и прищуриваясь, Аксенов различил номер квартиры на второй от лестницы двери.

– Вон она. Квартира 83.

– Двушка, – отметил Фокин и, встретив удивленный взгляд Долгова, хмыкнул: – Я пару лет назад в похожем доме хату снимал, расположение знаю. Типовое здание.

– Если это двушка... Вряд ли Жила там ныкается, – тихо высказался Долгов.

– Само собой, не там, – кивнул Аксенов. – Если даже брат Светы терпеть не мог это уродо, представляю, что ее предки о нем говорили.

– Ну и какой у нас план?

Аксенов думал, но пока ничего не приходило в голову. Вломиться внутрь со спецназом? Обложить весь дом?... Начальство наверняка даст отмашку, если получит стопроцентную гарантию, что Жила здесь. А вдруг нет – вдруг они ошиблись?

В это время этажом ниже хлопнула дверь. Аксенов быстро скользнул вниз, стараясь ступать тихо. Оказавшись на третьем, он увидел пожилую женщину с мусорным ведром, которая шамкала к мусоропроводу. При виде почти бегущего Аксенова она настороженно замерла.

– Здравствуйте, – опер поспешно показал удостоверение. – Я из полиции. Вы здесь живете?

– Ну и что?

– У вас соседи есть, в 83—й квартире. Кибиревы.

Женщина буравила Аксенова настороженными глазками.

– Есть такие, ну и что?

– У них дочка есть, Света, знаете ее?

– Конечно, ну и что?

Тяжелый случай, мысленно вздохнул Аксенов. С лестницы к ним спускались Долгов и Фокин, лицо соседки стало еще более подозрительным. С этим пора было заканчивать. Аксенов, раздражаясь, снова показал ей удостоверение.

– Женщина, я из полиции. Видите? Это в полиции такие выдают. Полиция, понимаете?

– Что я, дура, что ли? – буркнула она.

– Ну что вы, – Аксенов постарался ободряюще ей улыбнуться. – Так вы Светлану Кибиреву знаете, нет?

– Знаю, конечно. Я тут полжизни живу. Всех я знаю. Светка у меня на глазах выросла. Наконец-то.

– Всех знаете? Это хорошо. А у Кибиревых какие-нибудь незнакомцы в последнее время не появлялись?

– Думаете, я за соседями слежу? – возмутилась соседка. – Вы меня за кого принимаете? Аксенов уже жалел, что подошел к ней.

– За бдительного гражданина. Вот, посмотрите, пожалуйста. Видели его здесь когда-нибудь?

Аксенов показал ей фото Жилы. Увидев здорового амбала с короткой стрижкой, квадратной челюстью и бычьей шеей, соседка даже вздрогнула. Но не сказала «нет», она вообще ничего не сказала – лишь смотрела на фото, словно колеблясь, отвечать или нет.

– Здоровый такой, высокий? – подсказывал Аксенов. – Амбал прямо?

– Погодите.

– Что?

– Кажется... Ну да, точно. Он.

– Видели?

– Только он сейчас без волос, лысый. И с усами и бородкой, вот я сразу и не признала. Квартирант он.

– Чей? – замер Аксенов. – Кибиревых?

– При чем здесь Кибиревы вообще? Кажется, в 89-й живет, на шестом этаже. У нас в подъезде только там квартиру сдают. А, ее хозяйку, кстати, Настя зовут. Подружка Светкина.

Это уже было что-то. Догадка на глазах выстраивалась в стройную и логичную версию. Встрял Долгов:

– Настя? Анастасия Тимошкина? Она еще на красной машине ездит?

– Не знаю, на чем она ездит, она замуж выскочила и съехала отсюда, – огрызнулась соседка. – Мне мусор надо выкинуть уже, пока весь подъезд не провонял. Я могу уже пойти?

Поднимаясь по лестнице на пятый этаж, опера перешептывались.

– Фига се, – не мог поверить Фокин. – Он здесь! Подруга детства, с которой они росли вместе, выходит замуж, а хату сдает. И Света уломала ее сдать хату ей. И девчонка просто якобы ходит к предкам в гости! Идеально!

– Стопудов, это Жила придумал, – отметил Долгов. – У Кибиревой мозгов не хватит. Ну? Что делать будем?

Они решили подняться наверх, на шестой этаж. Квартира номер 89 располагалась прямо у лестницы, крайняя справа на площадке. Проходя мимо, опера не задержались ни на секунду, но успели внимательно осмотреть дверь. Могучая железная дверь, выпуклый глазок, крепкие петли, два замка... После чего продолжили движение вверх, словно просто проходили мимо.

Никто из них не знал, что глазок в двери был непростым.

Сидя перед телевизором и попивая пиво, Жила – бритоголовый, с усами и бородкой, которые он отращивал, чтобы хоть как-то изменить внешность – изредка косился на дисплей ноутбука. Компьютер стоял на столе в паре метров от Жилы, повернутый к нему дисплеем. На экран транслировалась картинка с видеоглазка.

В этот момент он не смотрел на ноутбук, но движение на дисплее заметил боковым зрением. Скосив взгляд, Жила оцепенел.

На дисплее были видны трое мужчин, проходящих мимо и уходящих верх по лестнице. Один из них был в камуфляжной куртке.

Жила метнулся к ноутбуку. Щелкнув мышкой, промотал видео, которое транслировалось на экран в режиме реального времени и одновременно записывалось на жесткий диск, Жила посмотрел последние несколько секунд.

Когда троица проходила мимо, каждый из них пялился на его дверь.

Но не это было главное.

Жила нажал на паузу и всмотрелся в лицо одного из них.

Он вспомнил его. Пять лет назад. Память на лица у Жилы была феноменальной – он не забывал ни одного человека. Пять лет назад этот тип, в бронежилете и с пистолетом, был в квартире Светки, когда его, Жилу, захватил вооруженный до зубов СОБР.

«Пакуйте, – тогда сказал он. – Его бабу тоже».

После этого Жила видел опера много раз. На допросах. На очных ставках. На опознаниях. Даже в суде. Но сейчас он вспомнил именно тот первый раз.

– Мусора, – процедил Жила. А его мозг уже лихорадочно работал, просчитывая варианты.

Опера остановились на средней лестничной площадке между шестым и седьмым этажами – отсюда, если выглянуть из-за перил, была видна дверь в квартиру Жилы.

– Он дома, – сказал Аксенов. – Телек работает.

– Дверь железная, замки крутые, петли крепкие, – добавил Фокин.

– Одним не обойтись, – резюмировал Долгов. – Надо вызывать спецов. Пусть блокируют хату и окна и выкуривают урода.

Долгов поднялся на седьмой и вызвал лифт, на котором спустился вниз, после чего вышел из подъезда. И только здесь набрал номер.

– Товарищ подполковник, это Долгов, – возбужденно сказал он. – Я нашел Жилина. Он в городе, прячется в квартире на Донецкой. Нужен спецназ.

Жила оделся мгновенно: натянул куртку и брюки, в карманы запихал все имеющиеся деньги, за пояс сунул пистолет. Напоследок прихватил охотничий «свинорез», который ему купил Молот. И выскользнул на балкон.

Внизу простиралась улица. Наверх никто из редких прохожих не смотрел. Жила перемахнул через балкон и, ухватываясь за выступы в кирпичной кладке и торчащие между балконами углы бетонных плит, спустился на нижний этаж. Спрыгивая, он едва не свалился наружу, но в последний момент ему удалось зацепиться обеими руками за край балкона. Жила подтянулся, и уже через секунду он был на балконе соседей снизу.

Сжав нож обратным хватом, Жила скользнул внутрь. Ему повезло – квартира была пуста – хозяева отсутствовали. Жила скользнул к входной двери и припал к глазку.

В подъезде была тишина. Но это был обман, Жила знал – как знал и то, что медлить нельзя – уже через несколько минут дом может быть блокирован ментами.

В замочной скважине ключа не было. Чертыхнувшись, Жила принялся искать его в прихожей. Проверил ящик, крючки для вешалок – и наконец обнаружил ключ от квартиры на вбитом в стену дюбеле.

Очень тихо и осторожно Жила открыл дверь. И, пряча нож под полую куртку, бесшумно побежал вниз.

Фокин и Аксенов ждали на площадке между шестым и седьмым. Фокин нервничал.

– Ствол с собой?

– Всегда с собой.

– Может, хм, мы это... сами?

Аксенов вспомнил слова Крылова. «Не лезь на рожон. Я не хочу тебя хоронить». А вслух сказал:

– При первом захвате он чуть не положил трех человек. При втором раскроил лицо бутылкой спецназовцу, хотя квартиру штурмовала группа в человек десять... Серег, ты уверен, что ты настолько крут?

Фокин промолчал.

Выбегая из подъезда, Жила буквально налетел на Долгова. Изумленно шарахаясь, Долгов метнул руку к кобуре и одновременно открыл рот, чтобы закричать.

Он не успел сделать ничего. Одним рывком Жила перерезал ему горло, чувствуя, как лезвие рассекает ткани до позвоночника. После чего Жила со всех ног бросился бежать.

Долгов конвульсировал, чувствуя, как его умирающее тело наполняет последняя эмоция – священный ужас перед смертью. Он не мог дышать, слышал противный свист в районе горла и чувствовал, как кровь заливает его легкие. В глазах все плыло, и Долгов проваливался в небытие. Он сжал руками горло, но пальцы провалились внутрь. Взгляд расфокусировался окончательно, Долгов видел перед собой лишь пляшущие пятна.

Дрожащей окровавленной рукой умирающий Долгов дотянулся до кобуры. С трудом смог выудить пистолет...

Услышав выстрел, Аксенов и Фокин вздрогнули.

– Что это? – выдохнул Фокин.

Выстрел прогремел снаружи. Аксенова словно окатили холодным душем. Он понял – произошло что-то страшное. Выхватывая пистолет, он со всех ног рванул вниз.

Когда Аксенов с табельным стволом на вытянутых руках выскочил из подъезда, вокруг не было никого. Кроме мертвого Долгова – он лежал, раскинув ноги, левой рукой сжимая горло, из которого фонтаном хлестала кровь, а правой – пистолет с еще дымящимся стволом.

Часть 3

– Повторяю – на случай, если до тебя не дошло. Твой Артем особо опасный преступник. Убийца полицейских. И только что он убил еще одного. А ты его подельница.

– Я ничего не делала...

– Не делала? – рявкнул Аксенов. – Ты нашла ему квартиру, носила ему продукты – и ты ничего не делала? Ты полноценная соучастница! Твоего Артема ищет сейчас вся страна, в нашем городе об этом вообще каждая собака знает. Хочешь сказать, ты не была в курсе? Единственная в городе?

– Не орите на меня! – огрызнулась Света, пытаясь хорохориться. Но ее бледное лицо и трясущиеся руки говорили о том, что ей не до бравады.

Колокольцев и трое оперов разбойного отдела выехали за Светой сразу же. Ее немедленно задержали и доставили в УВД, а в квартире Светы остались двое оперов, с оружием и в бронежилетах – на случай, если Жила покажется у любовницы. Истекающий кровью труп Долгова с распоротым горлом все еще стоял перед глазами Аксенова, и он готов был не то что орать на Свету – он готов был ее растерзать.

– Я буду на тебя орать, красавица, – процедил Аксенов. – И сегодня, и завтра, и через неделю. Из-за тебя погибли люди. Из-за тебя, понимаешь, нет? И ты за это ответишь. Ты задержана, понимаешь? А через пару дней тебя арестуют. И все – до свидания. Пойдешь на зону, как и твой ненаглядный Жила.

Света побледнела еще больше.

– За что? Я... я не знала ни про какие убийства!

– Ты тупая или как? Ты знала, что Жила сбежал с зоны? – знала! Но ты нашла ему хату, а он пустился во все тяжкие! За последние две недели он убил трех человек, ТРЕХ!

Света всхлипнула.

– Блин, он же мне не рассказывал ничего! Я его пять лет не видела – думаете, он мне нужен? А что мне было делать? Ну вот он позвонил мне, сказал, что приедет – и что прикажете делать? Сдать его? Чтобы он меня потом тоже пришил? Вы же его не знаете, он... он как зверь! Артем мне сто раз говорил, что никогда не простит того, кто его продал! А я жить хочу, понимаете?

Аксенов вздохнул. Кажется, упертую девицу все-таки удалось расшатать.

– Рассказывай.

Квартира, где обитал Жила, кишмя кишела криминалистами и полицейскими. На место ЧП прибыл шеф разбойного отдела Хохлов и почти все руководство угрозыска УВД города. Фокин разобрался с тем, что произошло, практически сразу.

– В двери видеоглазок. С виду обычный глазок, но это камера. Она передает картинку на ноутбук. Он сидел здесь, пил пиво и в любой момент мог видеть, что происходит в подъезде.

– Охренеть, – простонал Хохлов, проглатывая проступающий из желудка жар – у него разыгралась изжога. – Сколько у нас уже трупов? С этим надо завязывать...

Из соседней комнаты выглянул Леха Давыдов, опер из их отдела.

– Петр Дмитриевич, мы кое-что нашли!

Хохлов и Фокин, обходя обыскивающих комнату сотрудников, прошли в дверь. Давыдов, в медицинских перчатках, извлек из шкафа два дробовика.

– Стволы. Там еще коробка с патронами.

– Криминалиста сюда можно? – крикнул в дверь Хохлов. – Осторожно, не залапайте стволы. Там могут быть пальцы его подельников.

Света в допросной УВД рассказывала свою историю Аксенову. Ее показания опер записывал на диктофон.

– Первый раз он мне позвонил... Я не помню, сколько времени точно прошло... Почти месяц назад.

– Число, день – помнишь?

– Кажется, третье.

Аксенов кивнул. За полторы недели до поимки Ханыгина.

– Сказал, чтобы я нашла ему квартиру, – шмыгнула носом Света. – Таковую, чтоб я могла ходить туда свободно. Он сам Настю предложил. Когда мы встречались, раньше, он знал про мою подружку, я ему рассказывала... Еще Артем сказал завести симку на чужое имя. Говорит, твой телефон прослушивать будут...

– И на чье имя ты симку купила?

– Настю попросила, она дала мне свой паспорт... Артем сказал, что через два дня будет у меня. Мы договорились встретиться в «Армаде», на подземной стоянке, в три часа дня. Артем был там. Мы петляли по лестницам... Он сказал, чтобы от хвоста избавиться, если за мной следят.

– А потом?

– Что потом? – потом мы приехали туда, на Донецкую, в квартиру Насти. – Света с мольбой взглянула на Аксенова. – Я не знала ни про какие ограбления, честно! Артем сказал, что ему нужно долги собрать, что ему много людей денег должны. А когда соберет, то мы с ним уедем.

– Куда?

– Куда-нибудь, – пролепетала она, пожав плечами. – Туда, где нам будет хорошо вместе... Где нас не достанут...

Дура. Какая же ты дура. Но вслух Аксенов этого не сказал.

– И вы с ним созванивались, он тебе звонил на новую симку? Говорил, что ему принести из продуктов? Он что, из дома не выходил?

– Выходил куда-то, за ним друзья заезжали. Но только в машине ездил и все, а сам никуда не ходил. Это опасно. Особенно в магазинах бывать, тем более около дома. Артем говорил, что там могут его фотографии висеть. Он только по вечерам иногда, как я поняла, в кафешку заглядывал...

– В какую кафешку?

– Ну там, на углу. Около дома. Он говорил, что не стоит, но после тюрьмы ему хоть иногда надо где-то бывать. Что он не может в четырех стенах вечно сидеть.

Работа в квартире была почти закончена, когда местный опер привез испуганную Тимошкину.

– С квартирой все в порядке? Ничего не сломано?

– Вам сейчас не об этом надо волноваться, – проворчал Фокин. – Настя, вы знали, для чего Света попросила сдать вам эту квартиру?

– Для родственника. Брат двоюродный из Ростова. У него с бизнесом какие-то проблемы, вот он и приехал... А что?

– А что за бизнес у брата, не говорила?

– Нет, но... Света попросила мой паспорт, чтобы купить несколько сим-карт. Для брата. Как я поняла, он какой-то деловой и ему нужно сразу несколько телефонов, чтобы все вопросы успевать решать... – Настя растерянно смотрела на Фокина и Хохлова. – Что-то не так? Это... это не брат?

Хохлов вышел в подъезд, где курили опера.

– Давыдов, срочно запроси в сотовых компаниях все телефонные номера на эту девку, – Хохлов кивнул назад, на входную дверь квартиры. – Все, которые были подключены за последний месяц. Срочно.

Аксенов в управлении еще долго беседовал со Светой, пытаясь вытянуть из нее максимальные подробности. И вскоре она вспомнила более важные вещи.

– Да, я два раза ночевала у него... Больше Артем не разрешал. Говорил, что это может быть подозрительно. Когда я оставалась у него, я слышала, как он созванивается с кем-то. Но я не знаю, с кем, я ни разу никого не видела!

– Допустим. Но он как-нибудь этих людей называл?

– Что?

– Когда он звонил, он говорил «привет, чувак», или говорил все-таки «привет, Коля»? Как он их называл в разговоре?

Света поморщилась, вспоминая.

– Одного... одного Молоток. Я запомнила хорошо – да, Молоток. А второго... не помню точно... Хриплый? Или... нет, не Хриплый. Как говорят, когда у человека голос такой охрипший, еле слышный?

Аксенов почти растерялся.

– Эээ... простуженный?

– Вспомнила, Сиплый! Точно, Сиплый. Молоток и Сиплый.

Аксенов записал клички в блокнот. Наблюдая за ним, Света робко и жалобно спросила:

– Скажите, а вы... вы же меня теперь не посадите? Я вам сказала все, что знала, честно.

Ни за что. На Свету у полиции были другие планы. Но ей об этом знать было не обязательно.

А вечером Аксенов не выдержал и напился. Они с Фокиным заехали в бар к Крылову – помянуть убитого коллегу.

– Мы хотели СОБР вызвать, – говорил Аксенов, допивая пиво из недавно еще полной кружки. – Наш, ментовской. Но Долгов сказал – мы Жилу дольше ловим, наружку всю задействовали... Я, мол, заслужил, чтобы Жилу повязал УФСИН. А эта тварь...

– Черт, – вздохнул Крылов.

– Если бы я спустился вниз, чтобы позвонить Хохлову и вызвать СОБР... – выдавил Аксенов. – Сейчас я был бы труп. Не Долгов, а я.

– Не думай об этом, – неуверенно сказал Фокин.

– Не думай? А ты об этом не думаешь?

Фокин промолчал, после чего отправился к барной стойке заказывать еще пива. Крылов пальцами захватил в тарелке пару орешков.

– А с телефонами Жила умно придумал.

– Сука, – сквозь зубы буркнул Аксенов. – Мы пробили все телефоны, Леонидыч. Эта дура купила на имя своей подружки пять симок. Одну для себя, а через несколько дней четыре для Жилы. В итоге банда перезванивалась, пользуясь симками на чужое имя. А сегодня все эти симки умерли. И все, что у нас есть – это их звонки.

– Вытянуть что-нибудь можно?

С двумя полными кружками пива за столик вернулся Фокин. Усаживаясь, он покачал головой:

– Они этими номерами пользовались только для связи друг с другом. Конспирация полная.

– Надо признать... Жила знает, что делает, – сказал Крылов.

У Фокина зазвонил сотовый. Достав телефон, он хмуро ругнулся:

– Фига се, как всегда вовремя... Родители.

Он вышел из кафе, отвечая на звонок. Аксенов неловко взял кружку и пролил часть пива на стол. Крылов хмуро следил за ним.

– Денис, может, хватит с тебя?

– Я в порядке, – буркнул Аксенов, выпивая залпом полкружки. Его замутило, но он справился с собой. – Леонидыч, я не первый год в розыске. В паре перестрелок бывал. Но менты на моих глазах умирали только два раза. Каждый раз это был Жила...

После чего уже мутным нетрезвым взглядом посмотрел на наставника.

– Леонидыч, ты у нас ветеран, в ментуре кучу лет отпахал. Сиплый, Молоток – знаешь таких?

Крылов пожал плечами.

– Сиплый популярная очень погремуха. Сиплый, Рыжий, Кривой... Таких сотни по городу.

– Наш не обычный гопник из подворотни. Жила не стал бы лохов брать в банду.

– А что со стволами? Пальцы есть?

Аксенов криво усмехнулся, допивая пиво и нагло пододвигая к себе кружку отсутствующего Фокина.

– Жила у нас вояка. Разведрота ВДВ, все дела. А знаешь, что военные делают с оружием после использования? Ухаживают. Все вычищено и смазано. И никаких пальцев, кроме самого Жилы.

С кислой физиономией вернулся Фокин.

– Родители приезжают в следующие выходные. Типа в гости. Как вовремя, блин... Придется бросать курить.

– Только не это, – проворчал Аксенов. Крылов удивленно взглянул на Фокина:

– Они будут ругаться? Твои родители в курсе, что тебе уже тридцатник?

– Не в этом дело, – оскорбился Фокин. – Они в прошлый раз приезжали, я им сказал, что бросил. Они так обрадовались... Не хочу их расстраивать, – видя, что Крылов усмехается, Фокин обиженно отмахнулся: – Ладно, забейте. А где мое пиво, э?

– Выдохлось, – отозвался Аксенов. Фокин с несчастным видом поплелся к стойке. Крылов искоса взглянул на уже надравшегося Аксенова, который никак не мог остановиться.

– Денис, хочешь совет? Ищи канал поставок оружия. Где Жила покупает стволы? Он только вернулся в город, а уже раздобыл четыре дробовика. Найди продавца – и тогда найдешь Жилу, – поколебавшись, Крылов хмуро добавил: – И еще, Денис... возьми в оружейке броник. И постарайся снимать его как можно реже, пока Жила на свободе.

Утром Аксенов проснулся с адским похмельем. Причем он смутно помнил даже как вернулся домой. Матерясь, добрался до душа, после чего выпил пару кружек кофе – лишь после этого он заставил мозг соображать. Ни о какой йоге сегодня не было и речи.

Кое-как добравшись до управления, Аксенов узнал, что Хохлов собирает у себя всех оперов на развод – на полчаса раньше обычного. Проклятье.

– Говорил с начальством, – поделился Хохлов. – Дело Жилина спихивают целиком на нас. У убойного отдела своей работе неупроворот, а наш разбойный отдел, типа, имеет наработки и опыт, чтобы ловить так как Жила.

– Один раз поймали, – напомнил Аксенов. – И еще раз поймаем.

– А тут еще какая-то тварь в ментуре в прессу подробности сливает, – Хохлов потряс газетой, на обложке которого ясно читалось «Крим-вестник». – Про побег, про мокруху, сегодня вот уже про убийство опера вчерашнее...! А я за это, вашу мать, тоже пистон получил. Найду урода – порву, честное слово.

Аксенов украдкой покосился на Фокина. Тот кашлянул, возмущенно кивая шефу и выражая тем самым полную солидарность.

– Ладно... Что с любовницей?

– Сегодня отпускаем, – сказал Аксенов. – Вчера технари поставили у нее дома микрофоны, а в подъезде мини-камеру закрепили. Внутри щитка, так что ее никто не срисует. Если Жила как-то обойдет наружку и нарисует у Кибиревой – мы сразу об этом знаем.

– А наружка?

– Наружку заказывал ФСИН, но они теперь ее не снимут. После убийства Долгова для них это дело святое.

Хохлов хмуро покосился на висящую на стене ориентировку на Жилина.

– В общем, так. УФСИНовцы уже объявили вознаграждение за шкуру урода. Мы не можем оставаться в стороне. Из фонда УВД мы тоже объявляем награду в 200 тысяч за любую информацию.

– Курс Жилы по отношению к ментуре продолжает расти, – хмыкнул Колокольцев, но поспешно заткнулся и отвел глаза под холодным взглядом Хохлова. Майор хотел еще и что-то сказать, но на его столе зазвенел телефон.

– Хохлов, – раздраженно буркнул он в трубку. – У меня совещание, не сейчас. Что?... – Хохлов помолчал, слушая, и на его лице отобразилось удивление. – Где? Понял.

Положив трубку, он обвел взглядом оперов.

– На Просторной нашли труп. Убит ножом, ему горло перерезали. При жмуре были документы, – Хохлов сделал паузу. – Его фамилия Молотов.

По пути на место преступления Аксенов не выдержал.

– Серег, завязывай ты уже со своими журналистами, а. Прикинь, что будет, если Хохлов прочухает? Минимум уволят. Это если статью какую-нибудь не пришьют.

Фокин каяться не собирался.

– Я не говорю журналюгам никакой секретной информации – что я, совсем придурок? Только то, что они и так через пару дней узнали бы. Просто благодаря мне они узнают об этом... чуть раньше.

– Если вычислят, тебе реально кирдык. И я тебя не буду прикрывать.

– Дэн, отвали, а? Ну да, я знаю, что это не круто. А что мне делать? Тебе хорошо рассуждать: у тебя и хата, и тачка новая, а у меня что? Я в угрозыске уже пять лет почти, и все это время живу на съемных хатах, как бомж.

– Бомжи не живут на съемных хатах.

– Ты меня понял! – поморщился Фокин. – Я коплю на жилье, Дэн, понимаешь? Я хочу свою квартиру. Мне надоело менять хату каждый раз, как очередной хозяин решит, что я ему мало плачу. Или еще что-нибудь решит. Как тот урод, Семеныч, который резко вдруг заявил, что я ему ремонт в квартире должен замутить. Я устал от этого. Мне нужна квартира.

– А кредиты на что?

– А кредиты на что? – передразнил Фокин. – Там первый взнос нужно делать. А потом двадцать лет знаешь сколько банку выплачивать придется? На четыре таких квартиры хватит!

Настал черед удивляться Аксенову.

– погоди, ты хочешь за наличные купить? Без кредитов? Это сколько же тебе журналисты платят?

– Мало, – зло буркнул Фокин и, выудив из кармана зубочистку, принялся остервенело ее грызть. Аксенов невольно подхохотнул:

– Бросил курить?

– Отвали, – Фокин отвернулся к окну.

Они были почти на месте.

Улица Просторная находилась на окраине города, за жилым массивом. Солидную часть улицы занимали гаражные кооперативы. А за ними располагались пустыри, поросшие кустар-

ником и местами заваленные грудями мусора. На одном из таких пустырей подъезжающие Аксенов и Фокин и обнаружили опергруппу.

– Где жмур? – спросил Аксенов у охраняющего подступы к пустырю ППСника, показав ему удостоверение. Тот махнул в сторону зарослей, около которых топтались люди в штатском. По пути туда они наткнулись на участок земли, где криминалист заливал гипсом еле заметные следы протекторов шин.

– Привет, – кивнул Аксенов криминалисту, они были знакомы. – Они здесь тормознули?

– Так точно. Вон следы волочения, – криминалист ткнул пальцем в сторону. – Выгрузили из багажника труп и отволокли в кусты.

– Какая тачка, определить сможешь? – тот лишь пожал плечами. – Ладно. Если что всплывет, сразу звони в разбойный, хорошо?

Фокин тем временем уже осматривал труп. И, обернувшись, крикнул:

– Дэн, посмотри!

Аксенов протолкнулся мимо коллег к мертвецу. Худощавый тип средних лет, с залысинами. Почерневший нос, вокруг которого проступали темные пятна. Рана на горле почернела, в ней роились насекомые. На лице проступали пятна. Аксенов поморщился.

– Черт... И давно он здесь?

– Пару дней точно, – сказал кто-то из местных оперов. – Может, чуть больше.

– Обрати внимание на рожу нашего Молотка, – Фокин ткнул пальцем в лицо покойника. – Видишь нос? Ему его как следует расквасили. Нос распух, вокруг синяки. А это значит, Молотку кто-то как следует врезал по роже еще перед смертью.

Аксенов сразу же вспомнил запись с камеры наблюдения в офисе «Почти даром». Убийство охранника, который не побоялся оказать сопротивление и, врезав локтем в лицо одному из налетчиков, попытался отобрать его дробовик.

Аксенов кивнул.

– Молоток был с Жилой во время разбоя. Это ему охранник локтем в лицо двинул.

– Из-за него разбой чуть не сорвался, – согласился Фокин. – А такие вещи Жила, походу, тоже не прощает.

Фокин и Колокольников заявили на адрес, где был прописан Молотов. Это был частный дом в старой части города. После минуты стуков в окно к калитке прошамкала пожилая женщина в халате.

– Молотов Женя мой внук, да. Но его нет. Он здесь просто прописан.

– То есть, он здесь не жил... не живет? – уточнил Фокин, решив, что о смерти внука женщине пусть говорят убойщики, на которых повесят расследование мокрухи. Пусть помучаются! Да и бабуля какая-то вредная, сразу видно... Фокин с утра не курил, и сейчас его раздражало решительно все.

– Говорю же, Женя просто прописан здесь. А что? Зачем вы его ищете? Он натворил что-то опять, засранец?

– Просто хотели задать ему пару вопросов, – недовольно буркнул Фокин. В разговор вступился Колокольников:

– То есть, ваш внук живет в другом месте? А где, вы не знаете?

– Откуда же я знаю? Я старая, больная вся, – думаете, я по гостям хожу? Снимает где-то квартиру, наверное. Или у друзей каких-нибудь отирается. Горе с ним... Бездельник и засранец. Как по молодости отсидел за ограбление... Я думала, мозги появятся. Куда там – какой был, такой и остался. Бездельник и засранец, вот что я вам скажу. Доиграется – прибьет его кто-нибудь из этих его дружков.

– Ваша правда, – согласился Колокольников. – А что за дружки? Вы кого-нибудь знаете?

– Странные вы люди, честное слово, – удивилась бабушка Молотова. – Я объясняю же вам, он не живет тут. Раз в месяц, или и то реже, заедет, поест, посидит часок, денег выпросит в долг – «Помоги, бабуль, совсем помираю, работы нет, жить не на что!» – и уходит. А чем он живет, чем занимается... Понятия не имею. Кому я нужна, старая?

Это осложняло дело. Опера имели труп одного из членов банды – но никакой ниточки, которая могла бы привести к остальным участникам группы и непосредственно к Жиле. Поэтому Аксенов снова решил устроить вояж по осведомителям.

– Женя Молотов? – нахмурился Гулливер, пытаясь вспомнить. – Ну хэ зэ, Саныч. А фотка у вас есть его? Я на рожи лучше запоминаю.

Аксенов показал фотографию.

– Вот он. Сидел за грабеж, но давно, с тех пор ни в чем таком не замечен. Некоторые называют его Молоток, что-то вроде погремухи.

– Не, Саныч. Простите. Не знаю такого.

Аксенов вздохнул. Помолчал, пока потрепанный тип закажет себе пива. Когда клиент отошел от стойки, Аксенов тихо обратился к стукачу:

– Гулливер, еще кое-что. Мне нужен выход на оружие. А я знаю, у тебя есть связи в этих делах. Кто в последнее время пробивал насчет покупки стволов? В первую очередь интересуют дробовики. Ну, знаешь, ружья помповые.

– Связи, может, и есть, – осторожно согласился Гулливер. – Но с наскока такие вещи не пробьешь...

– А ты не с наскока. Осторожненько, между прочим... – более внушительно Аксенов добавил: – Гулливер, у тебя в пивнухе всякие люди отираются. В том числе Каверин, который за гранату срок мотал. Или Алыкбек, который травматика в боевые одно время переделывал...

– Все знаете, да? – усмехнулся стукач.

– Работа такая. Так что найди мне информацию. Мне нужен тот, кто может быстро достать несколько дробовиков.

Давыдов в управлении весь день сидел за компьютером, производя выборку в картотеке судимых граждан – в первую очередь его интересовали все носители клички Сиплый. Таких оказалось множество. Чертыхаясь, Давыдов позвонил Фокину.

– Серега, я в базах копаюсь. Короче, у нас по городу Сиплых больше 60 человек.

– Фига се, а ты что хотел? – раздраженно отозвался Фокин. – Кликуха-то распространенная. Вот если бы его звали Монте-Кристо...

– Чего злой? Курить бросил? – догадался Давыдов.

Фокин вздохнул, набираясь терпения.

– Ладно. Делай выборку. По возрасту: наш Сиплый старше 20 или даже 25, но ему не должно быть больше 45. В общем, средних лет. Судимость не обязательно грабеж или разбой, но это должно быть что-то тяжелое, связанное с оружием. Не какая-нибудь беспонтовая хулиганка, и уж тем более не наркота...

Аксенов отправился к Майорчику, и вот здесь ему повезло больше.

– Молоток, да, так его иногда звали. Но это было раньше. Пока он был молотком.

– В смысле?

– Раньше он на слуху был. А потом... Говорят, Молоток сторчался.

– На иглу сел?

– Не просто на иглу сел, командир, а реально сторчался. Стал ненадежным. Пару раз кинул кого-то на бабки, после чего ему рыло начистили знатно... Так что с ним никто особо не связывался.

– А где он жил, чем занимался?

– Вообще не в курсах, командир. Хотя... – Майорчик пораскинул мозгами. – Раньше, кажись, Молоток большой любитель по борделям похаживать был. Одно время он корешился с каким-то челом, у того своя точка была в сауне. Ну, девочки, все дела – понимаешь, да?

– Что за чел?

– Обижаешь, командир, – хмыкнул Майорчик. Никаких имен, вспомнил Аксенов.

Но это все равно было кое-что. Вернувшись в машину, Аксенов позвонил в управление Давыдову.

– Лех, у Молотова был сотовый?

– Был, вроде. Где-то у меня тут бумажка лежала...

– Плевать на бумажку. Надо проверять его звонки. Заказывай распечатку.

– А что ищем?

– Что-то, смахивающее на бордель. Девочек, которые на учете, сауны...

– Понял.

Давыдов лишь вздохнул и, положив трубку, вернулся к просмотру досье многочисленных Сиплых.

Вечером Аксенов обнаружил Ольгу за готовкой. Но оказалось, что таким образом она пыталась успокоить нервы. Еда пригорела и была недосоленной, но Аксенов не сказал ни слова – зачем будить лихо? Когда он устроился с тарелкой перед телевизором – как раз шли новости – Ольга села рядом и принялась жаловаться:

– Почти полмесяца! Рекламный блин отдел... Я работаю там почти полмесяца. И ничего! Не смогла принести никакой рекламы! А сегодня – представляешь, позвонила в одну фирму, натяжные потолки. Соединили сразу с директором. И он заинтересовался. Я так обрадовалась!

– Это же хорошо, – буркнул Аксенов, незаметно добавляя звук.

– Выслала ему прайс... У нас факс в приемной, а там эта сучка сидит. И она подружкам растрепала. И что ты думаешь? Они у меня за спиной увели рекламодателя!

– Как так?

– А вот так! – Ольга горько всплеснула руками. – Оказывается, эти коровы с полгода назад уже звонили ему. Ну вот перезвонили за моей спиной и договорились на баннер. А я сижу как... как оплеванная просто!

Аксенов не знал, что сказать.

– Черт. Ну это же непорядочно. Ты к начальству ходила?

– Ходила, толку-то. Я за полмесяца не принесла ничего, а эти сучки по полмиллиона в месяц рекламы приносят. Как думаешь, на чью сторону он встанет? – Ольга всхлипнула. – Сил моих больше нету. Только устроилась... Это змеиное гнездо просто какое-то, а не работа. Я уже думаю увольняться. Я же не заработаю ничего! И тогда меня саму просто попросят, – она в бессилии простонала. – Ненавижу!

Но Аксенов уже не слышал ее – все его внимание поглотил новый сюжет в новостях. На экране телевизора всплыла фотография Жилы и телефоны полиции.

– Продолжается розыск особо опасного преступника Артема Жилина, который сбежал из колонии строгого режима в Иркутской области. Как сегодня сообщила пресс-служба УВД города, полиция увеличила вознаграждение за любую информацию, которая поможет силовикам схватить беглеца...

Аксенов знал – он чувствовал – что Жила, где бы он сейчас не находился, тоже смотрит это. Не здесь, так в интернете. И думает, как обхитрить их всех.

И пока что у него это отлично получалось.

Аксенов с ухмылкой наблюдал, как хмурый Фокин разворачивает никотиновую жвачку и отправляет ее в рот. Несколько месяцев назад такое уже было, и Аксену было любопытно, как Фокин поступит теперь. Тот морщился, разжевывая мерзкую на вкус резинку. Попытался

сосредоточиться на компьютере, на котором что-то печатал, но не смог – вкус был слишком отвратный. Не выдержав, Фокин схватил урну и выплюнул резинку, при этом его едва не вырвало.

– Твою же мать, а! Никотиновая жвачка, блин! На вкус, как... как... как канализация.

– Ты на клоуна похож, в курсе? – Вместо ответа Фокин смял какую-то бумажку и запустил в Аксенова, но промахнулся. – Нет, я серьезно. Ты пару лет назад бросал, помнишь – книжку какую-то прочитал и бросил, потом месяца три держался.

– Эта книжка работает только в первый раз, потом бесполезно. – Фокин поспешил перевести тему. – Что там криминалисты принесли?

Аксенов полистал отчет.

– Заключение по машине, с которой труп Молотка за гаражами скинули. Они вроде как уверены, что это «шевроле-нива».

– Вроде как?

– Расстояние между колесами и сам рисунок протектора. Пишут, что это фирменные шины, у них в базе такие уже имеются.

В кабинет заглянул что-то жующий Давыдов с пустой кружкой и ворохом папок под мышкой.

– Мужики, у вас кофе есть? У нас опять кончился.

– Фига се, так купите, – зло буркнул Фокин, доставая зубочистки из кармана. – У нас тут что, вечная халява?

Давыдов удивленно покосился на Фокина. Аксенов отмахнулся:

– Не обращай внимания. Бери, в ящике под чайником.

– Фокин, ты никогда не замечал, что ты бросаешь курить где-то раз в месяц? – едко отметил Давыдов, готовя себе кофе. – Потом неделю ходишь бешеный как черт, потом начинаешь курить снова... И так каждый месяц вообще. Предлагаю эту твою неделю называть «месячными».

Аксенов расхохотался, Фокин зарычал и швырнул в Давыдова еще одну скомканную бумажку, но снова промазал. Аксенов кивнул на папки. – Что это у тебя?

– Сиплые. – Давыдов сгрузил все бумаги перед Аксеновым и отправился наливать себе кофе. – Итого 12 человек, которые могут проканать под нашего человечка. Подходят по возрасту, по опыту, по подготовке и репутации среди воров.

Аксенов просмотрел папки. К обложке каждой была канцелярской скрепкой прикреплена фотография. Итого 12 снимков. Худые, полные, лысые, курчавые, рябые... Одну из папок Аксенов отложил в сторону.

– Этот Сиплый не подходит. Он уехал из города четыре месяца назад в Краснодар и там успел загреметь в СИЗО.

– В его досье про это ничего нет.

– Потому что бардак везде, никому ничего не надо, – раздраженно процедил Фокин. Поймав насмешливые взгляды, он вскочил и, грызя зубочистку, вышел из кабинета. Аксенов покачал головой:

– Ничего, месячные пройдут, опять нормальный станет. Итого у нас 11 Сиплых. Надо бы их по донесениям проверить, что ли. Вдруг на кого-нибудь из них что-то всплывало в последнее время.

– Тебе и карты в руки.

– А звонки Молотова проверил?

Документы была в кабинете, где работал Давыдов. Опера прошли туда, Давыдов передал Аксенову ворох бумаг с распечаткой звонков Молотова за последний месяц: нескончаемая вереница 11—значных номеров с датой и временем звонка и именем абонента.

– Побазарить он был не дурак. Есть пара судимых, я пробил обоих – торчки, – сказал Давыдов, плюхаясь в кресло.

– А бабы?

– Никаких саун и борделей, проституток тоже. Хотя есть одна бабенка, сейчас... – Давыдов взял блокнот и пролистал несколько страниц. – А, вот. Кристина Рыжкова. Она есть в базе, ее задерживали в прошлом году. Была стриптизершей в казино, которое УБЭПовцы накрыли в Центральном.

– Любопытно вот, – заинтересованно отозвался Аксенов. – Куда может податься девушка, которая любит зарабатывать бабки своим телом?

Давыдов ухмыльнулся:

– В спорт?

Кристина подалась далеко не в спорт: в отделе нравов операм подтвердили, что по донесениям она проходит как проститутка, причем древнейшей профессией барышня занималась довольно давно. Плохой новостью было то, что ни у кого не было действующего адреса путаны. Хорошей – у оперов имелся ее сотовый. Не мудрствуя лукаво, Аксенов просто позвонил Кристине и договорился о встрече.

Аксенов и Фокин подъехали на перекресток, где проститутка пообещала их встретить. Она оказалась симпатичной и довольно скромно одетой барышней в спортивном костюме и кроссовках. Подойдя к «пежо» Аксенова, она заглянула внутрь, заметила Фокина.

– Если вы вдвоем, это будет в полтора раза дороже. А с выездом в два раза.

– Ты Кристина? – недоверчиво уточнил Аксенов.

– А ты ожидал чего-то другого?

– Ты... не похожа на... ну, сама понимаешь. Похожа на спортсменку.

Кристина загадочно повела бровью:

– Ради тебя я могу быть похожа на кого угодно. Хоть спортсменка, хоть медсестра, хоть учительница...

– Как насчет задержанной?

С тем же игривым видом Аксенов показал ей удостоверение. Но он не успел даже открыть «корочку», как Кристина со всех ног бросилась бежать. Выругавшись, Аксенов дал по газам, и машина рванула за ней.

– Теперь понял, почему она одета как спортсменка? – раздраженно буркнул Фокин. – Чтобы убежать от таких как ты!

Кристина на полном ходу нырнула в подворотню. Аксенов тормознул перед поворотом и бросил Фокину:

– Дуй за ней!

– Что?

– Дуй за ней, сказал! Легкие восстанавливай!

Аргумент был лишь отговоркой. Фокин, ругаясь, выскочил из машины и побежал за Кристиной. Аксенов же газанул, и «пежо» рванула к перекрестку. Аксенов на полном ходу свернул налево, затем еще раз налево при заезде во дворы – и, промчавшись сотню метров по дорожке вдоль домов, едва не налетел на несущуюся навстречу Кристину. Она вильнула в сторону, но было поздно – Аксенов выпрыгнул из машины и в два прыжка догнал ее.

– Отпусти! – завизжала она и тут же заголосила: – Помогите! Убивают!

– Э, хлебало заткни, пока можешь!

Кристина оказалась не душой и тут же уgomонилась. Аксенов отпустил ее, пригрозив:

– Попробуешь убежать, закрою, поняла?

– Поняла, поняла, – проворчала она.

Приплелся запыхавшийся Фокин.

- Фига се... Она скачет как горная коза...
- На себя посмотри! Горный козел.
- Хватит! – рявкнул Аксенов.
- Ладно, я все поняла, я попалась, – вздохнула Кристина. – Сколько?
- Сколько что?
- Вы же мне крышу предложить хотите? Сколько?
- Поподробнее, – заинтересовался Фокин. Перехватив суровый взгляд Аксенова, он удивился: – Что? Мне деньги нужны!
- Никто не будет никому ставить крышу, ясно? Кристина, Молотка знаешь?
- Она удивилась.
- Молотка? Это Женю что ли, наркошу этого?
- В точку.
- Сразу бы так и сказали, – фыркнула она. – Знаю. Торчок долбаный... Одно время пропал, года полтора его не видела. А недавно опять нарисовался. Вы его что ли ищете?
- Допустим. Знаешь, как его найти?
- А что мне за это будет? – снова принялась кокетничать Кристина, но заметила злой взгляд Фокина, который разгрызал очередную зубочистку, и приняла это на свой счет. – Ну, знаю. Где-то неделю или полторы недели назад он звонил мне. Укололся, захотелось ласки. Придурок... Притащил меня на тот квадрат.
- Что за квадрат?
- Хата на Николаевской. Номер дома не помню – увижу, вспомню.
- Он там жил?
- Подумав, Кристина пожала плечами.
- Вроде да, но... Я когда в ванную потом пошла, подмыться, он аж извелся. Типа ничего не трогай, а то он заметит и п.. ды мне даст.
- Кто он?
- Я откуда знаю? – хмыкнула Кристина. – Может, передоз?
- Действовать нужно было сразу. Вместе с проституткой они доехали до Николаевской, и она указала нужный им дом. Это была девятиэтажка на четыре подъезда, стоявшая в окружении пятиэтажных хрущевок. Аксенов вызвал СОБР. И уже через полчаса группа спецназа приступила к работе. Действовали стандартно: часть бойцов отправилась вверх на лифте, остальные спецназовцы и Аксенов с Фокиным – по лестнице. На площадке заняли позиции. По команде командира начался штурм: вскрыв с помощью специального снаряжения железную дверь, бойцы запустили внутрь световую гранату. На площадке все отвернулись. Сразу после хлопка, сопровождавшегося мощной и яркой вспышкой внутри, СОБР с автоматами рванул внутрь. Проверили комнаты, ванную, туалет, даже балкон.
- Чисто.
- Чисто.
- Все чисто!
- Аксенов мысленно выругался, заходя внутрь. Протолкнувшись через бойцов спецназа, он вошел в гостиную. И замер, увидев журнальный столик в центре комнаты.
- На нем лежала газета, открытая на криминальной полосе. Со страницы издания на Аксенова смотрела фотография Жилы, над которой красовался здоровенный заголовок «Охота на зверя продолжается».
- Кто-то с яростью вонзил в лежащую на столе газету охотничий нож – лезвие тесака пронзало заголовок и на добрый сантиметр уходило в древесину.
- За Аксеновым в комнату вбежал Фокин.
- Ну кухне чайник, он горячий! Жила только что был здесь! Фига се, как он нас заметил?
- Что нам делать? – спросил командир спецназа.

Аксенов лихорадочно соображал. Как он узнал?! Озираясь, Аксенов остановил взгляд на окне. И, подойдя к нему, обнаружил на форточке миниатюрную веб-камеру. Она была закреплена на раме так, чтобы смотреть наружу и вниз – на территорию двора.

– Он где-то здесь, он не мог далеко уйти, – быстро сказал Аксенов, поворачиваясь к остальным. – Блокируйте выходы из дома, он мог рвануть на крышу и постараться смыться оттуда! Или засесть в одной из квартир! Надо проверить все! Серег, вызывай местных!

Фокин и спецназовцы быстро скрылись. Оставшись один, Аксенов подошел к ножу и не без труда выдернул его из стола.

Охотничий нож. Патологоанатом сказал, Долгова убили охотничьим ножом. Молотова тоже.

– У... бок, – пробормотал Аксенов с ненавистью.

Он вышел на балкон, на свежий воздух. В голове Аксенова не могло уложиться, как Жиле все время удается уйти. Это было какое-то наваждение, почти за границей реального.

А потом его взгляд замер на строении через дорогу.

Балкон был на уличной стороне, и отсюда открывался вид на проезжую часть. Вокруг жилые дома. Через дорогу несколько хрущевок и двухэтажный магазин. С торца магазина виднелась вывеска: наполненная пивом кружка, рядом с которой аршинными буквами красовалась надпись: «Пенный рай».

Пивная. Как там говорила Света? «Артем говорил, после тюрьмы ему хоть иногда надо где-то бывать. Он не может в четырех стенах вечно сидеть».

– Твою мать, – пробормотал Аксенов. И, подхлестываемый внезапным чутьем, он бросился на выход. Пулей Аксенов слетел вниз и, выскочив из подъезда, помчался к выезду со двора.

Когда Аксенов вышел на улицу, ко двору, завывая сиреной, неслись сразу две машины ППС. Они быстро свернули во двор, проскочив мимо Аксенова.

Аксенов двинулся через дорогу. Машинально дотронулся до кобуры под мышкой, пальцы ощутили холодную сталь табельного ствола. В голове мелькали картинки: Жила видит спецназовцев, сразу же бросается по лестнице вверх. Пока СОБР штурмует квартиру, Жила по крыше добирается до спуска в соседний подъезд – и уходит по двору. Но куда? Ему нужны сообщники – передвигаться по городу на своих двоих он не станет. Значит, где-то Жила должен дожидаться, когда за ним приедут. Тихое место, обитатели и работники которого не особо следят за новостями.

Заведение было небольшим, за двумя окнами были видны столики и немногочисленные посетители Аксенов уже подходил к дверям пивной, когда оттуда навстречу Аксенову вышел мужчина средних лет. Скользнув по нему взглядом, Аксенов едва не окаменел – ему стоило огромных трудов заставить себя сохранить беспристрастное выражение лица.

Из пивной вышел мужчина средних лет. Плотного телосложения, чуть курчавый, с рябой кожей.

Аксенов совсем недавно видел его лицо. Это был один из 11 Сиплых, отобранных Давыдовым в полицейской базе данных.

Сиплый скользнул по Аксенову настороженным взглядом, но Аксенов просто прошел мимо и скрылся в дверях. Сиплый же не спеша, сунув руки в карманы и даже что-то насвистывая, двинулся по улице.

Часть 4

– Они сидели втроем. Вон за тем столиком.

Официантка указала на столик у стены. Он был пуст. Аксенов еще раз показал фото Жилы:

– Он был среди них? Точно?

– Да, но минут пять сидел, не больше. Потом ушел с одним, а второй остался. И пересел за другой столик, у окна. Посидел, посмотрел в окно, расплатился и ушел, – официантка пожала плечами. – Странный какой-то.

– Столик, где они все втроем сидели, где посуда? – проворчал Фокин. – Кружки, чашки?

– Эээ... я унесла, – растерялась официантка.

– Какая оперативность! – Фокин раздраженно всплеснул руками. – Иногда сидишь, официантку по полчаса не дозовешься, а тут как назло уже унесли!

– Это моя работа, – официантка растерялась еще больше. Аксенов поморщился и бросил Фокину:

– Иди воздухом подыши уже.

Нервно засопев, Фокин ушел. Аксенов покачал головой, вернувшись к официантке:

– Не обращайтесь внимания. Итак, их было трое? Вот этот, – Аксенов на всякий случай еще раз показал девушке фото Жилы, – Плюс тот, который потом пересел к окну, так? И еще один, да? Как он выглядел, помните?

Официантка нахмурилась.

– Ну не знаю. Худой такой. Высокий...

– Сколько лет?

– Лет 25—30, где-то так. Я не присматривалась, честно говоря. Он сидел, ключами в руке вертел.

– Какими ключами?

– От машины. Ну знаете, многие так делают. Крутят ими, – девушка продемонстрировала, сделала несколько характерных движений, словно поигрывая ключами на цепочке.

– То есть, он на машине был? На какой, не знаете?

– У меня, думаете, есть время в окна глазеть?

Пока Аксенов пытался вытянуть хоть что-нибудь из официантки, в квартире Жилы Колокольцев и Давыдов общались с прибывшей туда по звонку хозяйкой. Дородная женщина показала операм ксерокопию паспорта Молотова:

– Вот, он мне даже документы отксерил. Я всегда прошу об этом квартиросъемщиков, а то знаете, как бывает – сдашь жилье, а они все вынесут из квартиры или сдадут ее кому-нибудь еще – и ищи-свищи их потом.

– Это верно, – согласился Давыдов. – Этот человек, Молотов, он надолго снял жилье?

– На месяц. Но заплатил как за полтора. Сказал, что бизнесмен, к нему вроде бы какой-то деловой партнер приезжает из другого города, а в гостинице он жить не хочет. Поэтому он и переплатил, но чтобы я здесь в течение этого месяца не показывалась. Говорит, этот деловой партнер не любит, когда его тревожат.

Колокольцев покосился на журнальный столик в центре комнаты со следом от ножа.

– Это точно. Вы даже не представляете, насколько...

– Петр Денисович Сухарев, 87-го года рождения, – докладывал Аксенов Хохлову, листая досье Сиплого. – Погребуха Сиплый. Две судимости, за разбой и хранение оружия.

– Хранение оружия? – заинтересовался Хохлов. – А не через него ли Жила дробовики успел раздобыть?

«Денис, хочешь совет? – не так давно говорил Аксенову Крылов. – Ищи канал поставок оружия. Где Жила покупает стволы? Он только вернулся в город, а уже раздобыл четыре дробовика. Найди продавца – и тогда найдешь Жилу».

– Я уже проверил, Петр Дмитриевич, – покачал головой Аксенов. – Его тогда взяли с обрезом на руках, когда он таксиста грабануть собирался. Семь лет назад дело было. Сиплый не связан ни с какими ОПГ, по крайней мере, по донесениям ничего такого на него не проходило. Так что вряд ли.

– Хм... Ладно. Адрес Сиплого есть?

– Театральная, 73.

– Аксенов, выписывай наружку, – приказал Хохлов. – Под колпак его нужно поставить уже сегодня. Сотовый на прослушку. Мы должны знать о нем все: чем занимается, где бывает, с кем встречается.

– Так точно.

– Что с квартирой? Зацепки какие-нибудь есть?

– Подельников на хату Жила не водил, – отозвался Давыдов. – Там несколько групп отпечатков, среди них Молотов, сам Жила и еще две группы. Судя по всему, хозяйка и ее муж. Зато есть хорошая новость, на хате нет ни одного ствола. Может, Жила еще не успел купить новые?

– У банды было минимум три помповика, на прошлой хате мы нашли только два, – проворчал Фокин, разгрызая очередную зубочистку. – Так что считай, они вооружены. Пусть и не все. На тебя и одного Жилы хватит. Шерлок блин Холмс...

– Фокин, завари себе чай какой-нибудь успокаивающий, честное слово, – поморщился Хохлов. – А что с другим членом банды?

– Вот его фоторобот, официантка из пивнухи сподобилась и смогла его описать. Говорит, получилось похоже.

Аксенов показал композиционный рисунок. Официантка описала преступника как высокого и худого. С фоторобота смотрело действительно худое лицо с впалыми щеками. Поэтому Аксенов добавил:

– Условно назовем его Худой. Мы знаем, что он на колесах. Какая машина, неизвестно, но есть версия, что это «шевроле-нива». Криминалисты говорили, что труп Молотка на окраине скинули именно с «нивы».

– Вот и поработайте над этим. Фокин, запроси в ГИБДД данные на всех владельцев «шевроле-нив» в городе. И ищи похожего. Итак, – Хохлов обратился ко всем операм, – всего в банде было четверо. Жила, Молотов, Сиплый и Худой. Не знаем мы пока только одного, так?

– Получается, да, – кивнул Аксенов.

– Тогда почему, мать вашу, эти уроды еще не в изоляторе?

Вопрос был риторический, но задуматься было над чем.

– Объект вышел со двора. Двигается в сторону остановки.

Сиплый неторопливо направлялся по тротуару в сторону остановки общественного транспорта. За ним следовал молодой парень с наушниками в ушах, на вид типичный прохожий. Только в наушниках он слушал не любимую музыку, а переговоры коллег по наружке.

– Седьмой, приму его на остановке.

– Понял.

– Садись на колеса и дуй следом, Аркадий 339.

Ни о чем не подозревая, Сиплый подошел к остановке, закурил и принялся, как и остальные, ждать автобуса. Рядом с ним возникла девушка, с виду студентка. Когда подошла маршрутка, несколько человек двинулись к ней. Сиплый вежливо пропустил девушку вперед, она ответила ему дежурной улыбкой и забралась внутрь. В маршрутке девушка оказалась на одном из задних сидений, затылок сидящего к ней спиной Сиплого находился прямо перед ней.

Когда маршрутка отъехала, около остановки тормознул неприметный «жигуленок» с госномером 339, в него сразу же нырнул парень в наушниках. «Жигуленок» двинулся за маршруткой.

Пока наружка отслеживала перемещения Сиплого, Аксенов отправился на встречу с Гулливером, который позвонил ночью и сообщил, что у него есть информация. Когда Гулливер подошел к закрытой пивной, Аксенов уже был на месте. Звеня ключами и открывая двери заведения, Гулливер поведаль:

– Саныч, вы по поводу стволов интересовались.

– Что-нибудь узнал?

– Есть один чел, – осторожно сообщил Гулливер. – Который может свести меня с еще одним челом. Который может достать пару стволов. Говорят, у него пару недель назад были дробовики на продажу, но он их умудрился кому-то удачно загнать.

– Дробовики? – воодушевился Аксенов. – То, что нужно. Можешь свести меня? Я бы выступил покупателем.

Гулливер скривился.

– Не, Саныч, так не пойдет. Слишком палевно. Давайте так. Я пробую тему, потом может прикуплю для себя что-нибудь по мелочи. Травматик, например. И потом назову имя человечка. А вы уж дальше крутите его сами, как хотите. Но я должен быть вообще не при делах.

Резон в словах осведомителя был. Аксенов кивнул.

– Лады. Звони сразу, в любое время.

Из маршрутки Сиплый выбрался на остановке около местного рынка. Вслед за ним из «Газели» выпрыгнула девушка-студентка, которая направилась в другую сторону, тихо буркнув в манжет:

– Объект спускается в подземку. Шестой, принимай.

Сиплый прошел по подземному переходу, полному людьми. Затеряться в этой толпе было легко, поэтому опер наружки двигался почти впритык. Выйдя из перехода на противоположной стороне улицы, Сиплый вошел в ворота рынка и двинулся вдоль рядов. Опер наружки следовал за ним, стараясь не отставать. Негромко бросил в спрятанный в рукаве микрофон:

– Может затеряться, нужна помощь.

Но Сиплый не затерялся. Он подошел к мясному павильону. Поздоровался за руку с двумя мужиками в фартуках, которые курили на крыльце, перекинулся с ними парой слов и скрылся в дверях.

– Вошел в мясной павильон, центральный вход.

– Понял. Шестой, внутри можешь слиться, я принимаю.

– Девятый, блокируй задний выход.

Однако это не было уловкой со стороны Сиплого: он прошел мимо рядов, где продавцы выгружали на прилавки товар, и зашел за прилавков около одного из мест. Полная продавщица раскладывала куски мяса на лотках, закрепляла сверху ценники. Сиплый бросил сумку в подсобке и вернулся уже с перепачканным засохшей кровью халате, который принялся натягивать.

– Он здесь работает, – сообразил опер наружки, который сменил шестого в павильоне. – Объект мясник. Отдел «15», крайний левый ряд.

Опер наружки огляделся. На стене справа его заинтересовал ряд окон под потолком, за которыми угадывались очертания соседнего павильона. В его голове созрел план. Но в жизнь его претворяли уже опера разбойного отдела.

В соседнем двухэтажном павильоне торговали промтоварами: здание было полно крохотными магазинами и отделами со всякой всячиной, от посуды до инструментов. Несколько точек на втором этаже пустовали и сдавались в аренду. После коротких переговоров с владельцами здания они согласились пустить оперов в одно из пустующих помещений. Давыдов и Колокольцев заперлись внутри с мощным фотоаппаратом на штативе-треноге. Объектив нацелили

на окно мясного павильона – и отдел «15», где Сиплый рубил мясо мощным топором, был у них как на ладони.

– А у нашего мясника есть напарник, – сказал Колокольцев. – Зацени.

Давыдов сел к фотоаппарату. Максимально приблизив картинку с помощью зума, он увидел продавщицу, обслуживавшую клиентов. За ее спиной Сиплый точил топор. Рядом с ним, переговариваясь о чем-то с Сиплым, стоял тип лет 30: худой, смуглый, темноволосый, он перекручивал в фарш куски говяжьего мяса на электромясорубке.

– А что с ним? – не понял Давыдов.

– На руки посмотри.

На предплечьях напарника красовались воровские наколки. Хмыкнув, Давыдов достал сотовый и позвонил в отдел.

– Алло, это Давыдов. Мы можем как-то пробить еще одного мясника из этого же отдела? Судя по наколкам, парень на зоне как дома.

В тот же день Аксенов уже установил личность напарника и его послужной список. Досье он показал Хохлову. Листая материалы, тот пробурчал:

– Виктор Сидякин, 31 год.

– У пацана сразу две ходки, причем одна из них по нашей статье – разбой, – вставил Аксенов.

– Думаешь, он с ними?

– Все может быть.

– Аксенов, Жила пока совершил только один разбой. И мы вроде как знаем членов банды, так?

Аксенов пожал плечами.

– В Худом мы до конца не уверены. Плюс сейчас Молотов вышел из игры. А мы знаем, что Жила всегда работает с командой в составе четырех человек. Не исключено, что они подтянули кого-то нового. Или Худого, или Сидякина.

– И что ты предлагаешь?

– Петр Дмитриевич, наружку бы... – начал Аксенов, но Хохлов раздраженно перебил его:

– Охренеть, Аксенов, ты в своем уме? Дай тебе волю, ты ко всему городу наружку приставить, да? У нас Сиплого ведут сразу три группы. Еще четыре группы до сих пор работают по Кибиревой, любовнице Жилы. Если я заикнусь, что нам нужно еще несколько групп, у начальства могут появиться нехорошие вопросы.

– Например?

– Например, мы можем сами что-то делать вообще, или только с помощью наружки, – проворчал Хохлов.

– Петр Дмитриевич, ну а какие варианты? Сотовый Сиплого молчит. Понятно, что еще не вечер, но мне это не нравится. После вчерашней неудачной облавы Жила мог вообще на дно залечь и оборвать все контакты с подельниками.

– Тогда тем более наружка за Сидякиным ничего не даст, – возразил Хохлов. – Ищи другие варианты.

Ближе к вечеру Сиплый и Сидякин вышли покурить. Переведя фотоаппарат на вход в павильон, Колокольцев заметил, как те увлеченно что-то обсуждают. Колокольцев сделал несколько снимков. А затем произошло нечто еще более интересное – Сиплый взял у Сидякина его телефон и принялся куда-то звонить. Сидякин, пытаясь рядом, с интересом наблюдал за ним. В разговоре Сиплый жестикулировал и что-то кому-то доказывал.

Колокольцев снова набрал номер Аксенова.

– Дэн, походу, прослушка Сиплого ничего нам не даст. Он оказался продуман. Звонит с трубы Сидякина.

– Прямо сейчас? – Аксенов покосился на часы и быстро нацарапал на листке бумаги время. – Понял, Никит, спасибо. Попробуем пробить.

Это дело он поручил Фокину, а сам отправился на рынок. По иронии судьбы, Майорчик чинил сапоги в своей будке около центрального входа на рынок, в какой-то сотне метров от мясного павильона.

– Мясник Сиплый? – Майорчик покачал головой. – Не в курсах за такого, командир. На рынке я многих знаю, но за этого не слышал... Он давно работает?

– Пару месяцев.

– Могу попытаться пробить за него, если хочешь.

– Договорились. А Сидякин? Тоже мясник? Его знаешь?

– Чем тебе так мясники не угодили, командир? – хмыкнул Майорчик. Аксенов отшутился:

– Мясо тухлое подсунули.

Майорчик поскреб подбородок.

– В мясном павильоне у меня корешок есть, могу к нему подойти и покалякать. Но кореш выпить любит... Если его пивасиком угостить, уши завянут, скажет что хочешь и чего не хочешь. Но пивасик бабла стоит... – усмехнувшись, Аксенов вручил стукачу банкноту в тысячу рублей. – А на опохмел?

– Майорчик, если ты профукаешь штуку и ничего не узнаешь, я тебе устрою самый жестокий в мире опохмел.

Пиво любил не только кореш аксеновского осведомителя. Вечером Сиплый и Сидякин вышли с территории рынка и, купив в ларьке пару бутылок пива, уселись на остановке. Опер наружки в машине через дорогу прокомментировал по рации:

– Первый, объект и связь изволят выпить. Сидят на остановке, будут разделяться. Какие инструкции? Связь вести?

– От заказчика инструкций не поступало. На всякий пожарный установите адрес и подключайтесь к остальным.

Когда Сиплый сел в маршрутку, за ним выдвинулась машина наружки.

Следующие день был точной копией предыдущего. Сиплый рано утром отправился на рынок, где весь день рубил мясо и общался с Сидякиным. Периодически один из них отлучался, чтобы покурить. Несколько раз они выходили вместе. Колокольников и Давыдов на втором этаже павильона промтоваров фиксировали это на фотокамеру. Давыдов позвонил Фокину.

– Сиплый больше не звонил с чужой трубы. Вы пробрили, кому он звонил вчера?

– Нечего пробивать, – зло буркнул Фокин, грызя зубочистку. – Сиплый звонил с телефона Сидякина не на сотовый или даже стационарный телефон. Он звонил на компьютер. Ну знаешь, все эти программы-звонилки вроде «скайпа»?

– А номер у нас есть?

– Фигня в том, что номер виртуальный. Технари говорят, нельзя установить ни его координаты, ни ай-пи адрес компьютера, на котором отвечают на звонок. Полный порожняк.

– Черт...

– Для чувака, который провел пять лет на зоне, Жила нефигово в технике разбирается, тебе не кажется?

– Может, он выписывал журнал «Юный техник»? – проворчал Фокин.

В этот вечер Аксенов решил сделать Ольге приятное и забрать ее с работы. Но, когда она села в машину, припаркованную перед офисным зданием, где располагалась ее фирма, по лицу жены Аксенов понял – жест оценен не будет.

– Я уволилась, – горько повторила Ольга. – Даже не уволилась... Меня попросили.

– Шеф?

– А кто еще. Вызвал к себе. Сказал, что я отработала большую часть месяца. А результатов ноль. Я, как дура, оправдываться стала... Говорю, мне не дают развернуться, все перспективные рекламодатели поделены, бла-бла-бла... Догадайся, что он сказал?

– Бла-бла-бла?

– Главное результат. А у вас, Ольга, результатов нет. Поэтому нам надо подумать, есть ли смысл строить отношения дальше. Ну и все в таком духе, – она шмыгнула носом. Косясь на Ольгу, Аксенов увидел, как ее подбородок предательски дрожит. —Черная полоса какая-то, честное слово... Оттуда сократили, отсюда выперли – я даже месяца не отработала! Черт, когда же это все закончится?

– Значит, это не твое, – осторожно сказал Аксенов. – Оль, ты каждый день приходишь с работы злая и вымотанная. Тратишь кучу времени и сил, а выхлопа нет. Может, оно и к лучшему.

– «Значит, не твое», – в сердцах передразнила его жена. – Тебе легко говорить! У тебя все твое. А мне снова надо искать работу...

Аксенову было стыдно, но он не мог проникнуться неприятностями Ольги и как следует ей посочувствовать. Его самого выворачивало от мысли, что Жила больше месяца находится на свободе, в этом городе, ходит по одним с Аксеновым улицам, убивает людей и совершает разбои – а он, Аксенов, ничего не может с этим сделать.

А утром ему позвонил Майорчик, кратко бросив по телефону «Командир, надо пересечься». Аксенов подъехал к рынку пораньше, еще до официального открытия. Майорчик покосился по сторонам и юркнул к нему в машину.

– Хорошая тачка, командир. На зарплату купил?

– Не борзей.

– Да ладно, я ж прикалываюсь, – расплылся Майорчик в улыбке. – Короче. Про Сиплого я не надыбал ничего. Кореш говорит, что чувак держится особняком, ни с кем не общается, кроме Сидякина.

– А Сидякин?

– Тут веселее. Мясник любит не только мясо, но и траву.

– В смысле? Вегетарианец что ли?

– Если это теперь так называется, командир, – расхохотался Майорчик. – Курить. Сидякин на анаше сидит плотно. И некоторым подгоняет, если попросят.

Это уже было интересно.

– Ты пробил, как можно это сделать?

– Обижаешь, командир. Завтра кореш уже подгонит мне коробок. Так что если хочешь прихватить Сидякина за яйца – вперед.

Операм повезло – днем у Сидякина не было никаких контактов. Очевидно, его поставщик не хотел рисковать и нести наркотики на рынок, где постоянно сновали постовые и участковые из местного опорника. Когда Сидякин вечером отправился домой, Аксенов и Фокин ехали следом.

Сидякин обитал в частном доме. Когда он скрылся внутри, «пежо» Аксенова проезжало мимо. Развернувшись на перекрестке, Аксенов остановил машину в полусотне метров от дома, около землянки с покосившимися воротами.

– Может, надо было местных подключить? – нервничал Фокин.

– Сидякин живет здесь кучу лет, два раза сидел... Он всех местных в лицо знает.

– Барыгу брать будем?

– Вдвоем? За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь, слышал такую фигню?

– Я тебе за зайцами бегать предлагаю? – проворчал Фокин, разгрызая новую зубочистку.

– Пусть едет. Номер передадим в отдел наркотиков, пусть сами его отлавливают.

Машина перед домом Сидякина появилась через полчаса. Тонированная «школа» подъехала к самым воротам.

– А вот и барыга. Серег, номер запиши.

Водитель не собирался выходить. Но через минуту из калитки показался сам Сидякин.

Достав из бардачка бинокль, Аксенов увидел, как Сидякин склонился к водительскому окну. Стекло опустилось, и Сидякин передал водителю несколько купюр. Взамен он получил сверток размером с сотовый телефон и быстро сунул его в карман.

– Есть.

– Коробок?

– Больше. Грамм сто по-любому.

В этот момент из землянки, шатаясь, выбрался мужик лет 50 в майке-алкоголичке. Увидев перед своими воротами черный джип, он удивленно выкатил глаза.

– Э, а ты чего тут стоишь, елы-палы? Это... как его... частная собв... собсен... частная эта... Короче, мой дом, понял? А ну ин-нах отсюда!

Аксенов выругался сквозь зубы. Сидякин посмотрел в их сторону, услышав голос мужика. Надо было что-то предпринимать. Чуть опустив стекло, Аксенов тихо рыкнул на мужика:

– Зашел назад и не отсвечивай.

Аксенов старался говорить как можно более внушительно, а у него это хорошо получалось – пасовали даже крепкие ребята. Мужик крепким не был. Зато был пьяным под завязку. Рыгнув, он вперил в Аксенова мутный взгляд и принялся громко возмущаться:

– Че ты сказал? Ты это мне? А ну иди сюда! А ну... это, как его... иди сюда!

В это время в машине прохрипела рация. Мужик ойкнул и изумленно, во весь голос, протянул:

– Так вы менты? Так и надо было сразу, елы-палы! А то хамят, мля...!

Его услышал не только Сидякин, но и водитель «пежо». Потому что двигатель машины взвыл, а сама она в мгновение ока сорвалась с места и помчалась прочь, поднимая облако пыли. Сидякин со всех ног метнулся к воротам дома.

– Твою мать! – заорал Фокин. – Мужик, че ж ты за гнида тупая такая, а?!

Аксенов дал по газам. Черный джип сорвался с места и понесся к дому Сидякина. Сидякин бежал что есть сил, но тягаться с мощным внедорожником мясник не мог: когда Сидякин только успел скрыться за воротами, «пежо» уже подлетел к воротам, и опера выскочили из машины и бросились за ним.

– Стой! Полиция! Лапы в гору!

Сидякин бежал к двери дома, когда они ворвались во двор. Чувствуя, что попался, Сидякин отскочил в сторону и резким движением запустил сверток вверх. Кувыркаясь в воздухе, тот сделал большую дугу – и скрылся за соседским забором. Сам Аксенов немедленно вскинул руки вверх и закричал:

– Я не сопротивляюсь! Хорошо? Я не сопротивляюсь!

Аксенов и Фокин повалили его на землю. Фокин заломил Сидякину руку – так сильно, что тот завыл от боли. Аксенов, оттряхивая колени, тоскливо посмотрел на забор, за который нырнул сверток.

– А вот теперь надо вызывать местных.

– Это просто трава. Растение блин.

– Фига се, – язвительно парировал Фокин. – А мы и не знали. Дэн, прикинь.

– Нет, я серьезно. Я же купил не на продажу, а для личного пользования. Это употребление. Ну и плюс это не тяжелый наркотик какой-то. Траву куча стран уже легализовали, а у нас все еще этот совок...

Аксенов невольно ухмыльнулся.

– Сидякин, вот посмотри на меня. Я в ментуре десять лет. Как по-твоему, сколько раз за эти годы я слышал такие вот базары? Про траву, про личное пользование?

– Наркотическая задачка тебе, – буркнул Фокин.

Сидякин вздохнул. Посмотрел на свои руки, скованные наручниками.

– Ясно все... Послушайте, ну может, мы как-то договоримся?

– Например?

– У меня... ну не знаю... деньги есть, – увидев взгляд Аксенова, Сидякин поспешно продолжил: – Или я могу сдать вам своего поставщика. Хотите взять его с наркотой на кармане?

– А, так значит теперь уже это не просто трава, а наркота? – раздраженно процедил Фокин. Аксенов чуть склонился над столом, приближаясь к Сидякину и глядя ему в глаза.

– Мы не из отдела наркотиков, чувак. Нам на твоего барыгу и на его наркоту плевать.

– Ну а... что вам тогда надо? – изумился Сидякин. – Я ничего не мучу нигде, работаю на рынке, иногда покуриваю, базара нет, но это все...!

– На рынке, значит?

– Мясной павильон. Я мясником там...

И вдруг до Сидякина дошло. Он тревожно посмотрел на Аксенова, на стоящего у стены Фокина.

– Погодите. Вы... поэтому? Вам Сиплый нужен?

– Быстро соображаешь.

– Не-не, не, – занервничал Сидякин. – Я в такие игры не играю.

– Наколки у тебя на руках говорят о другом, чувак.

– Я завязал, ясно? Во время второй отсидки я гепатит подхватил. Ну и плюс было время подумать. Я этим больше не занимаюсь. Я просто работаю и просто живу.

– Что ты мне тут паришь? – взорвался Фокин. – Какие у вас дела с Сиплым? Думаешь, мы ничего не знаем? Думаешь, мы лохи? Мы на лохов похожи, да?!

– Я этого не говорил!

– А что ты говорил? Сидякин, мы все знаем! И про то, как Сиплый тебя в банду подтягивал! И про то, как ты ему даешь телефончик, чтобы корешам своим позвонить, а сам сидишь рядом и слушаешь! – Фокин долбанул по столу кулаком. – Так что хорош тут из себя целку строить! Завязал он!

Аксенов подыграл напарнику.

– Чувак, мы у тебя изъяли травы, чтоб тебя лет на пять засадить. И мы сделаем это, если ты мозги не включишь. Выбирай. Если ты завязал – докажи это. Сдай Сиплого. А если нет – вперед на зону, за наркоту.

Сидякин понимал, что его зажали в угол, но так быстро сдаваться не собирался.

– Вон оно что... Слушайте, я не стукач.

– Это я тоже слышал сто раз, – буркнул Аксенов. – Нет так нет. Тогда вперед по этапу. Совесть твоя будет чиста. Наслаждайся этим, лежа на нарах в душевной камере. Времени у тебя будет навалом.

Сидякин горько усмехнулся, выругался себе под нос. Вздохнул. Наблюдая за ним, Аксенов понял – мясник поплыл. И был прав.

– Если я скажу, что знаю, что со мной будет?

– Протокол об изъятии наркоты останется у нас. На всякий случай. Но ходу мы ему не дадим. А ты будешь свободен.

– Пока вам снова что-нибудь не понадобится, да?

– Жизнь тяжелая штука, чувак.

Сидякин снова вздохнул.

– Он звонил корешу. Говорил, что у кореша проблемы, поэтому с его телефона звонить опасно. Мол, трубу Сиплого могут прослушивать.

– Что за кореш?

– Он называл его Жила. Но кто он такой, я не в курсах.

– Фига се, – едко хмыкнул Фокин, выплевывая зубочистку. – Весь город в курсе, а он не в курсе. Ты новости типа не смотришь?

– Нет, конечно, нафига оно мне?

Ответ был резонным и обезоруживающим. Фокин фыркнул и лишь принялся грызть новую зубочистку.

– Но больше он звонить с моей трубы не будет, – продолжал Сидякин. – Я сегодня купил для Сиплого симку. По своему паспорту.

– Ты так просто покупаешь каждому симки? – спросил Аксенов.

– Он попросил. Мы с ним работаем вместе.

– Допустим. И о чем Сиплый говорил с корешем?

– О деле.

– Мне из тебя каждое слово вытягивать или как?

Поколебавшись, Сидякин отвел глаза.

– Я на рынке только два месяца работаю. Раньше в супермаркете пахал. Тоже мясником, на кухне. Супермаркет «Акция» на Гоголя.

– И?

– Сиплый сказал, что им в бригаду нужен человек. Звал меня. Но я отказался. Я не просто так треплюсь, что я не хочу на зону. Я в натуре сыт ею по горло. Поэтому я отказался. Но... в общем, я дал им наводку.

– Они будут брать супермаркет? – быстро спросил Аксенов. Сидякин кивнул. – Когда?

– В выходные. Ночью.

Даже не подозревающий о том, что над ним сгущаются тучи, Сиплый был дома. Приняв душ после работы, он поужинал, после чего засел за телевизор. Сотовый он по привычке положил рядом. Но телефон молчал. Сиплого беспокоило это: он знал, что Жила очень осторожен – но ведь и Сиплый полностью соблюдает конспирацию. Получив от Сидякина новую симку, Сиплый сразу же отправил условное СМС «Батя, это я» на номер Жилы. Казалось бы, теперь они наладили безопасный канал связи – взамен того, который пришлось ликвидировать после провала со Светкой.

Но сотовый молчал. Чтобы хоть как-то занять себя, Сиплый стал смотреть новости. Но от этого нервы расшалились еще больше – одним из первых сюжетов в новостном выпуске был сюжет о Жиле. Его фотография, призыв звонить в полицию, телефон и информация о вознаграждении – 300 тысяч рублей. Выругавшись, Сиплый переключил канал.

А потом сотовый зазвонил.

– Это я, – Сиплый узнал голос Жилы. – Все спокойно?

– Все ровно, братан. Ждал, когда ты позвонишь. Ну что, работать будем?

– Не сегодня. Надо встретиться и кое-что перетереть.

– Не вопрос. Где?

– Парк Железнодорожников. Завтра в девять утра.

– Так рано? – удивился Сиплый. – Нафига?

– Парк Железнодорожников, в девять, – повторил Жила и отключился.

Сиплый нахмурился: поведение Жилы ему не нравилось.

Зато специалист прослушки, которая в наушниках слышала каждое слово их разговора, была воодушевлена – чего-то подобного она ждала давно. Записав все данные звонка –

время, номер абонента, содержание разговора – она сняла трубку и позвонила в разбойный отдел УВД.

И в половине девятого утра парк уже кишел оперативниками.

Парк Железнодорожников представлял собой даже не парк в полном смысле слова: это была длинная и узкая аллея со скамейками, тянувшаяся вдоль проспекта Победы. В это время – утро буднего дня – здесь были лишь местные жители, которые через парк срезали свой путь от дома до автобусных остановок. Женщины, парни, молодые мамы с детьми.

В начале аллеи на скамейке засели Фокин и Аксенов. Для прикрытия они взяли в руки по бутылке минералки. Для этого района типичная картина – двое бедолаг похмеляются после вчерашнего. В конце аллеи находились еще два опера из разбойного отдела. На проспекте Победы стояла машина без опознавательных знаков, в которой ждали сигнала четверо спецназовцев в штатском.

Аксенов закурил. Прикуривая сигарету, он приблизил к лицу микрофон, спрятанный в манжете куртки, поэтому движение выглядело вполне естественным, когда он спросил:

– Что у вас?

– Чисто, – отозвались опера в конце аллеи.

– Машина-один, следите за дорогой, – напомнил Аксенов. – Если около парка начнет светиться «шевроле-нива», дайте знать. И запишите номер.

– Понял, – кратко отреагировали спецназовцы.

Аксенов нервно посмотрел на часы.

– Без пятнадцати.

– Придет, куда он денется... – Фокин покосился на сигарету. – Дэн, ты можешь не курить?

– Хрен тебе. Это ты бросаешь, не я.

Фокин вздохнул. Достав из кармана пустеющую коробочку с зубочистками, вложил одну из деревянных палочек в рот.

– Знаешь, что самое фиговое, когда бросаешь? Мозги.

– У тебя мозги никогда не были сильным местом, – хмыкнул Аксенов.

– Да пошел ты. Не, я серьезно. Ходишь какой-то... несобранный. Сосредоточиться ни на чем не можешь. Мысли постоянно куда-то ускользают, понимаешь?

– Бросай бросать.

– Пока держусь, – вздохнул Фокин. – Ну и плюс... завтра предки приезжают.

Аксенов посмотрел на часы. 8:50.

– Черт, где они шляются?

– Придут. Как у тебя дома дела? Ольге работа новая нравится?

– Даже не спрашивай, – поморщился Аксенов. – Нравится... Уволилась она. Точнее, ее попросили. Долгая история.

– Фига се. Так у нее прям непруха с работой.

– И это все, о чем мы дома говорим последний месяц, – проворчал Аксенов. – Черная полоса, работа, проблемы. Проблемы, работа, черная полоса... Ольгу все бесит и злит, глаза постоянно на мокром месте...

– Она у тебя что, тоже курить бросила?

– Если бы...

Их перебил голос одного из оперов в наушниках:

– Народ, объект подтягивается.

Сиплый свернул в парк. Он подозрительно покосился на оперов на скамейке, но те травили анекдоты и не обращали на него никакого внимания. Пройдя мимо, Сиплый пошел вглубь аллеи, внимательно осматриваясь по сторонам. Мимо пробежала девушка в спортивном костюме. Чуть дальше пожилая женщина волокла за собой хнычущего мальчугана. В самом конце аллеи, Сиплый увидел их лишь через минуту, сидели еще двое и попивали минералку.

Сиплый обошел всю аллею. Жилы нигде не было. Тогда он развернулся и направился к центру парка. Усевшись на одну из скамеек, Сиплый достал телефон и нервно посмотрел на время. 8:55.

– Смотрим в оба, – тихо бросил Аксенов в микрофон рации. – Жила может нарисоваться в любой момент.

Жила уже был здесь, но никто из присутствующих в парке об этом не догадывался.

Жила знал этот район еще до зоны, он неоднократно здесь бывал и неплохо ориентировался. В кофте с капюшоном, скрывающим лицо Жилы от любопытных глаз, он дворами добрался до пятиэтажки, упирающейся в парк. Около одного из подъездов он закурил, выжидая время. Здесь были магнитные замки домофона. Один рывок – и Жила откроет эту чертову дверь. Но привлекать к себе внимание он не мог.

Шанс представился меньше чем через минуту – из подъезда, кряхтя и охая, выбралась пенсионерка с палочкой. Жила придержал дверь, пропуская женщину, после чего скрылся внутри. Было ровно 8:20 утра.

Он выбрал пятый этаж. Пластиковое окно располагалось довольно высоко, но для рослого Жилы это не являлось проблемой – окно было как раз на уровне его глаз. Замерев у окна, Жила стал внимательно изучать территорию парка.

Он видел появление двух пар крепких типов, которые засели с обеих сторон парка. Аксенов и Фокин сидели спиной к Жиле, поэтому лиц он не видел. Но общая картина складывалась не в пользу Сиплого – кажется, парк обложили.

Когда появился Сиплый, Жила смотрел лишь на оперов. Скучающие на скамейке мужики при появлении Сиплого вдруг принялись увлеченно общаться. А когда Сиплый прошел мимо них, оба посмотрели ему вслед.

Сомнений не было. Менты.

Жила спустился вниз, и, выйдя из подъезда, углубился во дворы. Через минуту он, петляя по задворкам и подворотням, вышел на улицу на противоположной от парка стороне квартала. Там его поджидала красная «шевроле-нива».

Через десять минут Сиплый стал нервничать. Он постоянно посматривал на время, косился по сторонам. Но Жила так и не появлялся. Сиплый встал и принялся ходить взад-вперед. Снова сел, на этот раз на другую скамейку.

Еще через десять минут он не выдержал и позвонил на известный ему номер.

Трубку никто не взял.

Вариантов у Сиплого оставалось немного. Он просто встал и покинул парк.

Следящие за ним Аксенов и Фокин были поражены.

– Фига се. Что за дела? Где Жила?

– Он не появится, – мрачно отозвался Аксенов. – Что-то пошло не так.

– Что?

Ответа не было.

Жизнь в мясном павильоне кипела своим чередом. В первой половине дня всегда был наплыв покупателей: отоваривающиеся здесь люди, в основном пенсионеры, отлично знали, что самые хорошие и свежие куски появляются с утра, поэтому павильон был полон.

– Дочка, мне ребрышек взвесь, пожалуйста, рублей на двести, – шамкала беззубым ртом старушка, теребя в руках мятые купюры. Продавщица, взвешивая мясо, бросила Сиплому:

– Петь, еще наруби.

Сиплый угрюмо кивнул, извлекая из холодильника кусок неразделанного мяса с синей печатью ветинспекции. Сидякин в это время промывал под краном говяжье филе, изредка косясь на Сиплого. Тот выглядел хмурым и озадаченным.

– Петро, все нормально?

– Пойдет, – кратко бросил тот и, пристроив на разделочном столе кусок мяса, взмахнул топором.

Давыдов уже несколько дней дежурил в павильоне напротив. Фотоаппарат был нацелен на отдел номер «15». На дисплее фотокамеры мелькали подходящие и уходящие покупатели. К этому времени все эти люди для Давыдова слились в одну серую массу. Он коротал время, листая мужской журнал и лишь изредка поглядывая на дисплей фотоаппарата.

Но, бросив на камеру очередной взгляд, Давыдов нахмурился.

Около отдела номер «15» стоял высокий и худой тип в джинсовой куртке. Ему было чуть меньше 30. Поигрывая в руке ключами от машины, он обратился к продавщице:

– Фарш говяжий есть?

Сиплый напрягся, услышав знакомый голос. Он обернулся, обменявшись взглядами с покупателем. Вытерев руки об халат, Сиплый подошел к прилавку.

– Валь, это последний. Выбери пока кусок, который накрутить надо. А я покупателя отпущу.

– Это с каких пор...? – начала было удивленно возмущаться продавщица, но Сиплый цыкнул на нее:

– Иди.

Лютый взгляд Сиплого заставил ее оторопеть, и она, ни слова больше не говоря, юркнула вглубь отдела. Сиплый встал за прилавок. Отрывая пакет, он осведомился:

– Сколько?

– А сколько здесь? – худой покупатель ткнул пальцем в лоток с фаршем.

– С полкило.

– Ну вот это и давайте.

Пока мясник лопаточкой перекладывал фарш в пакет, худой покупатель очень тихо, чтобы его слышал лишь Сиплый, произнес:

– Ты под колпаком. Сворачивайся.

По лицу Сиплого пробежал страх, но он быстро взял себя в руки. Плюхнув пакет на весы, он громко сообщил:

– Шестьсот грамм. Пойдет? – и тихо добавил: – Как, б... дь, они умудрились?

– Кто знал? – Сиплый покачал головой, принимая у покупателя деньги. – А симка? Кто тебе ее купил?

Сиплый обернулся на Сидякина. Худой покупатель кивнул и, принимая пакет, дежурно улыбнулся:

– Спасибо.

– Приходите еще, – хмуро буркнул Сиплый, провожая подельника взглядом.

За всем, происходящим у прилавка, в объектив фотоаппарата пристально следил Давыдов. Пока Сиплый говорил о чем-то с высоким типом в джинсовке, незнакомец стоял спиной к камере – Давыдов мог видеть лишь его затылок. Но когда тип уходил, Давыдову удалось разглядеть его лицо.

– Охренеть! – выдохнул он, делая снимок. После чего сорвался с места и, вылетев из отдела, побежал по коридору. На ходу Давыдов выхватил телефон и набрал Аксенова. – Дэн, Худой был у Сиплого! Он сейчас уходит!

– Можешь догнать?

– Пытаюсь!

– Ничего не делай, проследи его до тачки. Он на колесах! Нам просто нужен его номер!

Давыдов, пряча телефон в карман, уже бежал вниз по лестнице. Быстро пересек проход в торговом зале первого этажа, в дверях чуть не сбил грузчика с коробками и вылетел к мясному павильону. Повсюду были люди. Быстро озираясь, Давыдов разглядел в двух десятков

метрах от себя макушку Худого – тот удалялся вдоль торговых рядов. Давыдов направился за ним.

Они шли вдоль рядов, поворачивая. Худой не спешил, но нигде не задерживался. Его затылок Давыдов постоянно видел впереди, в окружении толкающихся в проходах людей. Обходя их, Давыдов догонял Худого. И не сводил с него глаз.

– Осторожнее, твою мать!

Давыдов едва не налетел на тележку с товаром, которую толкал грузчик. Давыдов отскочил в сторону. Грузчик, матерясь сквозь зубы, проталил тележку, и Давыдов бросился вперед. Но вдруг с ужасом понял, что не видит Худого. Он исчез! Давыдов ускорил шаг, отчаянно вертя головой и скользя глазами по каждому затылку.

Вокруг были десятки, если не сотни людей: бродили по рядам, приценивались, торговались, покупали и продавали. Но Худого среди них не было.

– Твою же налево, – чертыхнулся Давыдов.

А в мясном павильоне никто и не подозревал о попытке установить личность Худого. Но после визита незнакомца Сидякин обратил внимание, что Сиплый замкнулся и ошетинился – и до вечера он вел себя, как бирюк. Когда Сидякин пытался заговорить с ним, тот отделивался односложными репликами. По окончании рабочего дня Сидякин, как обычно, хотел предложить Сиплому выпить по бутылке пива и посидеть на остановке, но тот лишь буркнул «У меня дела».

Возвращаясь домой на маршрутке, Сидякин нервничал. В его душе копошилось ощущение, что произошло что-то непоправимое, страшное. Сидякин пытался развеять его, но ощущение не уходило. Что с Сиплым? Да, Сидякин сдал его ментам, но... но ведь Сиплый просто не мог этого знать! Все, что Сидякин сказал ментам – о планирующемся разбойном нападении на супермаркет. Однако налет планировался на выходные – а сегодня только пятница. Телефон Сиплого? Если бы он связался с Жилой по этому телефону, менты уже бы повязали их обоих. Сиплый просто не появился бы сегодня на работе.

Что происходит, Сидякин не знал.

Сиплый вечером делал все, как обычно. Выбравшись на остановке из автобуса, он двинулся к дому. По пути зашел в магазин, купил пельменей и пива. Двигаясь по двору, он пытался разглядеть кого-то, похожего на мента. Из незнакомцев были лишь двое мужиков, которые матерились и копались под капотом старенькой «пятерки». На ментов не похожи.

Когда Сиплый скрылся в подъезде, один из мужиков вытер руки тряпкой и сообщил по рации:

– Объект в адресе, можно крепить.

Как раз в это время Сидякин подходил к своему дому. Отперев калитку в воротах, он вошел во двор и двинулся к дверям дома. Пока Сидякин отпирал замок двери, он услышал звук подъезжающей машины. На секунду в голове мелькнула мысль: «Неужели опять мусора?». Поколебавшись, он шагнул к воротам.

В это время в калитку вошел Жила. Увидев бритоголового амбала, широченного и высокого, на полторы головы выше хозяина дома, Сидякин почувствовал, как сжимается от ужаса его сердце.

– Ты... Ты от Сиплого?

Жила шел прямо на Сидякина. Его лицо имело такой свирепый и безжалостный вид, что Сидякин сразу все понял. Жила пришел за ним.

Выставив перед собой ключ и держа его, как нож, Сидякин выдавил:

– Э, не походи! Что тебе...?

Жила не останавливался. Сидякин бросился бежать, но тут же мощная рука схватила его за воротник и дернула назад. Чувствуя, что падает, Сидякин изловчился развернуться и попытался со всех сил оттолкнуть амбала.

Жила одним движением левой перехватил его руку и врезал правой по локтю Сидякина. Сидякин услышал чавкающий-хрустящий, тошнотворный звук, увидел, как его рука вывернулась в локте назад – и лишь после этого его пронзила такая боль, что он заорал:

– Аааа! Не надо! Я ничего не...!

Жила не собирался ничего слушать. Короткое движение – и между ребер Сидякина, прямо в районе сердца, вонзилось широкое зазубренное лезвие десантного ножа.

Через полтора часа в полумраке двора стоял Аксенов, освещая фонарем растерзанный труп Сидякина, утопающий в луже собственной, уже запекающейся крови. Паталогоанатом равнодушно комментировал:

– Удар профессиональный, сильный, прямо в сердце. Вторым ударом ему перерезали горло. Знакомый почерк?

– Знакомый, – сдержанно ответил Аксенов.

Он был подавлен. Очередной труп. За этот месяц Аксенов увидел больше крови, чем за последние два года. Ханыгина. Долгов. Молотов. Охранник в «Почти даром». Теперь Сидякин... Жила оставлял за собой горы мертвецов. Как киношный маньяк из дешевого американского боевика. В голове не укладывалось. Все это было за гранью той жизни, в которой привык существовать Аксенов.

Из дома вышел Колокольцев.

– Внутри ничего, ни следов обыска, ни погрома, ноль.

– Жила туда не заходил, – сказал Аксенов. – Он приехал завалить Сидякина.

– Зачем?

Аксенов вздохнул и вышел на улицу. Перед домом стояли несколько полицейских машин, освещая погружающийся в ночь квартал вспышками сине-красных проблесковых маячков. В стороне Фокин разговаривал с соседом. Тот самый сосед, во двор которого вчера вечером Сидякин запустил сверток с анашой.

– Я услышал, как он кричит, – бубнил сосед. – Думаю, опять полиция. Или дружки какие-нибудь. Ну, интересно же! Вдруг опять ко мне во двор закинет какую-нибудь гадость, как вчера?

– Плохая привычка, – согласился Фокин.

– Я в окно выглянул. А перед его домом машина стоит. В нее потом какой-то мужик сел, и машина уехала.

– Что за мужик?

– Я откуда знаю? У меня зрение думаете хорошее? Мне 55 лет!

– А машина?

– Красная. Эта, как ее... «нива» новая.

Аксенов закурил. Со двора выглянул ППСник, подзывая скучающих около труповозки санитаров. Они с носилками двинулись за трупом. Подъехала машина Хохлова. Тот был злой и, судя по скривившемуся рту, страдал от очередного приступа изжоги.

– Аксенов, твою мать, что за дела? Я нач разбойного отдела. Сколько раз мне на труп еще надо будет выезжать? – Аксенов промолчал. Матюгнувшись, Хохлов уже спокойнее спросил: – Как это произошло вообще?

– Жила профессиональный диверсант, – мрачно ответил Аксенов. Говорить это ему не хотелось. – Утром он нас срисовал. Отвечаю, он нас срисовал в парке. Его этому учили, Петр Дмитриевич.

– А вы что, пальцем деланные? – не удержался Хохлов.

– Потом он подослал Худого к Сиплону и узнал, откуда утечка. И сейчас ликвидировал ее.

– На хрена ему подставляться и вешать на себя еще один трупешник? Он что, добивается, чтобы в городе КТО ввели?

Аксенов не знал ответа на этот вопрос. Он лишь пожал плечами.

– Я так думаю, Жила боится, что его сдадут. И сейчас делает все, чтобы те, кто знает о нем, побоялись это сделать. Это демонстрация. Других вариантов я не вижу, честно говоря.

– Не видит он, – проворчал Хохлов. – Сиплону есть что пришить?

– У него алиби. Сидякина мочили как раз в то время, когда Сиплый домой ковылял под прицелом наружки. А шить ему разбои... Мне кажется, лучше держать его под колпаком. Вдруг Худой еще раз выйдет с ним на связь.

– А супермаркет? Облом?

Подумав, Аксенов покачал головой.

– Петр Дмитриевич, мне кажется, надо рискнуть. Сидякин им нарисовал подробную схему супермаркета. График инкассации. График пересменки охранников. У них железная наводка. В выходные в супермаркетах большая выручка. А Жиле нужны деньги... Он может попытаться рискнуть.

Часть 5

В субботу весь разбойный отдел УВД вышел на работу – учитывая происходящее в городе, права на выходные они не имели. Кроме Фокина, который должен был встречать родителей на автовокзале.

Невысокие и полные Роман и Татьяна Фокины, нагруженные сумками, выбрались из междугороднего автобуса, пришедшего из райцентра Новореченское. Мать тут же бросилась тискать Фокина.

– Привет, сынок! Ну как дела? Худой какой! Не ешь совсем?

– Ем, но не всегда, – отшутился Фокин, подхватывая сумки. – Машина за углом.

– Машину купил? – оживился отец.

– Это рабочая, я выпросил, чтобы вас встретить.

– А мог бы и купить. Тогда бы сам к нам приезжал. Мы, честно говоря, не в том уже возрасте, чтобы в междугородних автобусах трястись.

Фокин, натянуто улыбаясь, молча шел к машине. Начинается. Родители были уверены, что Фокин получает едва ли не миллионы в полиции, но почему-то не покупает квартиру, машину, не обзаводиться семьей и вообще не перевозит их к себе.

Затолкав сумки в багажник, Фокин помог матери открыть дверцу – у нее это никак не выходило. Отец бурдел:

– Не сломай ручку! Таня, зла не хватает!

По пути на квартиру Фокин спросил:

– Мам, как твое давление?

– Все так же, – вздохнула она. – Скорую приходится вызывать по два раза в неделю. Сегодня вон таблеток наглоталась, чтобы к тебе приехать.

– Фига се. Может, тогда и не надо было?

– Конечно, зачем нам общаться? – буркнул отец. – Всего-навсего родители и сын. Помрем, ты даже не узнаешь.

– Ром! – одернула его мать. Отец возмутился:

– Что Ром? Что, не так?

Фокин натянуто и криво улыбался, крутя баранку. Ему хотелось курить больше, чем когда-либо.

Тем временем Аксенов отправился к Гулливеру. Опера смущало, что пообещавший позвонить через несколько дней осведомитель не подает никаких признаков активности. Когда он спустился в пивную, «Гулливер» был полон народу. Лакали пиво работяги с расположенной неподалеку стройки. Сдвинув несколько столиков, что-то отмечала компания полумаргинальной молодежи.

Когда стукач за прилавком заметил Аксенова, он напрягся и быстро кивнул ему на подсобку. Аксенов юркнул в дверь, успев бросить взгляд на посетителей – на него никто не смотрел.

Через минуту в подсобку зашел и Гулливер. Аксенов курил, пододвинув к себе приспособленный под пепельницу огрызок алюминиевой пивной банки.

– Ты обещал позвонить. И назвать имя человечка, который может достать стволы.

– Я говорил, что попробую, Саньч, – осторожно поправил Гулливер. – Не обещал.

– Что-то сорвалось?

– Вроде того.

Невооруженным взглядом было видно, что осведомитель нервничает и чего-то недоговаривает. Аксенов нахмурился.

– Гулливер, что за дела? Ты со мной играть захотел? Ты и твой шалман работаете, пока ты мне нужен. А нафига мне ты, если ты молчишь в тряпочку?

Гулливер сел рядом, стараясь не смотреть на Аксенова.

– Саныч, вы же знаете. Я стараюсь помогать всегда. Как только что-то узнаю, сразу звоню вам...

– Последний месяц я этого не ощущаю. Что случилось? У тебя проблемы или как?

– Саныч... Слухи ходят фиговые. Говорят, Жила этот, которого вы ищете... Говорят, они мочат всех.

– Кто говорит?

– Да все, Саныч, – не выдержал Гулливер. – Все, блин! Даже самый последний гопник в курсе. Я... никогда не отказывался. А сейчас я не могу. Только не так. Я жить хочу, понимаете? Хотите закрывать пивную – закрывайте. Я лучше подметалой в ЖЭУ пойду, но жить буду.

След оружия оборвался, не успев даже проклюнуться.

Аксенов промолчал в отчет. Крыть было нечем.

Фокин пропустил родителей вперед, после чего не без труда затащил в прихожую тяжелые сумки.

– Вы чего туда понапихали? Антивещество?

– Соленья тебе, огурчики, салаты, которые ты любишь, – запричитала мать. – Гостинец на день рождения, мы же пропустили. Я тебе такой свитер купила у нас на рынке. Как увидела, сразу тебя в нем представила.

Отец, хмурясь, прошел в единственную жилую комнату однушки, которую снимал Фокин. Мебели здесь практически не было.

– Тебя обокрали или что?

– С мебелью дороже. А мне многого не надо. Кровать есть, шкаф есть. Зато до работы недалеко. А вы ляжете сегодня на надувном матрасе, я на работе у мужиков одолжил...

– Твой дед в твоём возрасте уже дом построил и двух детей родил, – проворчал отец. – Сергей, тебе самому не стыдно? Тридцать лет уже, а все как студент-подросток!

– Рома!

– Что Рома? Что, не так?

– Убейте меня кто-нибудь, – простонал себе под нос Фокин.

Когда они разобрали все сумки, мать бросилась на кухню разогревать тефтели, которые сварила с утра. Разговор с родителями не клеился. Особенно после того, как мать завела любимую песню.

– Сереж, тебе от тети Любы привет. Говорит, я так по Сережке соскучилась! В гости тебя звала. У нее же 50 лет скоро. Говорит, так давно крестничка не видела!

– И не увидит, – буркнул Фокин.

– Сереж, сынок, нельзя же так. Что они тебе плохого сделали? Надо родниться. Это семья. Тогда Фокин не выдержал.

– А что они хорошего мне сделали? Пока бабка была жива, твоя тетя Люба с вами на улице даже не здоровалась! Только бабке на ухо нашептывала, какая Танька сволочь неблагодарная.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – вставила мать. Фокина убивало, когда она говорила заученными с детства фразами.

– Зато как только бабка умерла, а твоя тетя Люба дом себе захапала – так сразу про сестру вспомнила. Давайте родниться! А где она раньше была? Она моя крестная, и что? Когда мне 10 стукнуло, или 15, или даже 18 – где была твоя тетя Люба? Вокруг бабушки вертелась, чтобы дом захватить. Как крысы в банке! И вот это с ними я должен общаться? Это – семья? В гробу я видел такую семью!

Мать вдруг всхлипнула.

– Почему ты на меня кричишь.

Фокин задержал дыхание, стараясь успокоить нервы. Не получалось. Тогда он просто встал и вышел из комнаты.

Аксенов вернулся домой уже вечером. Неожиданно для него, Ольга была в хорошем настроении. В настолько хорошем, что даже предложила ему пройтись по улицам и развеяться.

– Я сегодня со Светкой созванивалась, – поведала жена. Погруженный в мысли о Жиле Аксенов чуть не вздрогнул:

– С какой Светкой?

– Племянница тети Вали, помнишь? У нее дочка в детсад ходит. Светка говорит, там дико воспитатели нужны. Такая нехватка, что люди уже к родителям обращаются – мол, не хотите поработать?

– Разве так можно? Там же образование специальное нужно.

– Знаешь, когда в половине групп тупо некому с детьми сидеть, не до выбора. Зарплата, говорит, почти 20 тысяч. Неплохо, как считаешь?

– погоди. Ты попробовать хочешь?

– А почему нет, Денис? Я педагог по образованию, не забыл?

– Преподаватель английского.

– Диплом педа – это диплом педа, – с умным видом парировала Ольга. – Я конечно с детьми никогда не работала, но...

Аксенов пожал плечами.

– Воспитатель детского сада...

– Что, плохая работа? Работать всего по полдня. Один день с утра, второй с обеда. Зарплата очень даже ничего, и куча свободного времени. – Ольга улыбнулась. – Ну и плюс... если мы когда-нибудь все-таки заведем детей... Опыт будет. А, главное, денег побольше. Хочется все-таки твердо стоять на ногах.

– А мы как стоим, криво, что ли? – удивился Аксенов. – Оль, у нас машина, квартира, сбережения...

– Машина и квартира только благодаря наследству. Денег в банке, если я вдруг в декрет уйду, хватит на год, не больше. Там же трат будет куча... Да что я тебе рассказываю, мы сто раз об этом уже говорили.

Аксенов был удивлен, и это мягко сказано. Он не мог себе представить Ольгу, по полдня улыбающуюся и ухаживающую за детьми. По крайней мере ухаживать за мужем у нее не очень выходило.

– Не знаю даже, что сказать.

– Я хочу позвонить заведующей детсадом, расспросить поподробнее. Если вдруг все так, как Светка рассказывает... Почему бы не попробовать? Ты что думаешь?

– Не знаю даже, что и сказать, – чувствуя себя идиотом, повторил Аксенов.

В субботу и воскресенье на рынке Давыдова сменил Колоколыцев. Приведя из дома раскладное походное кресло, он развалился перед фотоаппаратом и играл в карманную приставку, выпрошенную у племянника. Изредка Колоколыцев бросал взгляд на фотоаппарат. Но дисплей камеры отображал обычную работу мясного отдела. Сиплый рубил мясо, крутил фарш, помогал продавщице раскладывать товар на прилавке... Никаких контактов у него не было.

Наружка продолжала следить за Светой. Оперов уже тошнило от этого задания, но выбирать им не приходилось. Каждый день они сопровождали Кибиреву на работу и с работы. С подругой Настей Тимошкиной она после инцидента на квартире больше не виделась. Все случайные контакты Светы отслеживались и проверялись, но ничего подозрительного наружка

не замечала. Скрытые камеры на площадке перед квартирой Светы также работали круглосуточно. Но Жила не появлялся.

В воскресенье Света, возвращаясь с похода по магазинам, шла по двору. Опер в машине наружки со скучающим видом провожал ее глазами, после чего буркнул по рации:

– Второй, объект вошел в адрес.

– Понял, седьмой, – также дежурно отозвался диспетчер. За полмесяца все привыкли к монотонному графику Светы и довольно замкнутому образу ее жизни.

Войдя в подъезд, Света привычно остановилась около почтовых ящиков. Открыв ячейку ключом, Света извлекла оттуда ворох бумаг. Счет, реклама, бесплатная газета... Рука Светы замерла, когда в груди корреспонденции она наткнулась на запечатанный конверт. На нем не было ни единой буквы, цифры или символа.

Удивленная, Света вскрыла конверт. И ахнула от неожиданности.

Это было послание от Жилы.

Но никто из оперов наружки об этом даже не подозревал.

Супермаркет «Акция» на улице Гоголя располагался на первом этаже многоэтажного жилого дома. Второй вечер подряд здесь выставилась полицейская засада. В подсобном помещении, приспособленном под кабинет охраны, на стульях сидели трое спецназовцев. Автоматы на коленях, шлемы в углу на коробке, которая служила столиком. С ними дежурил Давыдов, который сидел перед мониторами. На экраны транслировалась картинка с двух камер наблюдения – одна на парковке перед дверями «Акции», вторая на входе в супермаркет.

Давыдов изредка поглядывал в монитор. Около часа ночи к магазину подъехала «десятка». Качество картинки позволяло разглядеть, что внутри находятся четверо. Вспыхнул огонек – кто-то в машине закурил. Давыдов уставился на монитор, не веря своим глазам.

– Мужики, кажется, это они...

Спецназовцы замерли.

Но через несколько секунд из «десятки», хохоча во весь голос, выбрались трое парней. Переговариваясь и толкаясь, они направились к входу в «Акцию». Давыдов вздохнул:

– Черт. Ложная тревога. Ладно, на меня тоже раздавайте.

Семь групп наружки, отряд СОБРа, несколько единиц спецтехники и опера разбойного отдела были круглосуточно задействованы в работе. Но в раскинутую сеть никто не попадался.

И уже на следующий день стало ясно, почему.

Офис строительной фирмы «Каскад строй лимитед» располагался в двухэтажном здании, отделанном сайдингом, на задворках территории бывшего завода, много лет назад закрывшегося и ставшим пристанищем для самых различных предприятий, фирм и компаний. В рабочие дни двор бывшего завода кишел машинами и людьми, но сейчас, в воскресенье, он был совершенно пуст. Лишь около «Каскад строй лимитед» стояла потрепанная «ока» дежурившего здесь в выходные охранника. Поэтому никто не видел синюю «дэу», которая заехала во двор и притормозила около дверей стройфирмы.

Пожилой охранник разогревал в микроволновке обед, захваченный из дома, когда услышал стук. Он прислушался. Стук повторился.

– Принесла кого-то нелегкая, – проворчал он и двинулся на проходную. За крепкой пластиковой дверью маячил здоровяк в рабочем комбинезоне и в надвинутой на лоб бейсболке. Квадратная рожа, бычья шея, усики и борода.

– Мы закрыты, – буркнул охранник.

Здоровяк что-то сказал, из-за двери его не было слышно. У него в руках была коробка, которую он показал охраннику.

– Что?

– Я курьер, у меня посылка из Питера, – донесся через дверь до охранника голос здоровяка.

– Мне никто не сообщал.

– Мне ее тут кинуть? Распишись и забери уже свою коробку.

Охранник колебался. Здоровяк был один, в руках действительно коробка. Сзади синяя «дэу», на которой приехал курьер. За рулем сидит водитель. Вроде бы все нормально.

– Ладно, сейчас...

Охранник взялся за дверь и провернул ручку замка. Приоткрыв дверь, он проворчал:

– Откуда из Питера? Мне никто не сообщал, что...

Но коробка здоровяка больше не интересовала. Он ударом ноги отшвырнул охранника вглубь проходной. Падая, охранник с ужасом увидел, как внутрь врываются двое таких же «курьеров» в рабочих комбинезонах и... натянутых на лица вязаных шапочках с прорезями для глаз. На плечах рюкзаки, в руках дробовики.

Ограбление!

– Не рыпайся! – рывкнул здоровяк, отбрасывая коробку в сторону. Один из налетчиков в масках бросил здоровяку дробовик. Ловко поймав его, здоровяк взял перепуганного охранника на мушку.

– Встал! Вперед! – на негнущихся ногах охранник поднялся. – Есть кто-то еще в офисе?

– Нет, только я...

Двое в масках бросились вглубь офиса, охранник слышал топот их ног. Но смотреть он мог лишь на нацеленное на него ружье.

– Если врешь, я тебя убью! Спрашиваю снова: есть в офисе кто-нибудь, кроме тебя?

Охранник поспешно повертел головой. Потом посмотрел в глаза здоровяку... и побледнел. Это лицо он много раз видел в новостях.

– Знаешь меня? – прорычал здоровяк.

– Да, – сдавленно выдавил охранник.

Двое налетчиков по лестнице взмахнули на второй этаж и подбежали к двери, на которой висела табличка с лаконичным «Бухгалтерия».

– Ломай!

Один из налетчиков сорвал с плеч рюкзак, выудил из него монтировку и со всех сил налег на дверь. Древесина жалобно закричала под его тяжестью. Затем с треском вылетел замок, разбрасывая в разные стороны деревянные щепки.

Налетчики ворвались в кабинет. И сразу наткнулись на здоровый сейф, стоящий у стены около стола кассира. Налетчик сорвал с пояса рацию и выпалил:

– Нашли!

Его подельник уже действовал: он распахнул рюкзак и вытащил из него миниатюрный сварочный аппарат.

Жила, держа охранника на мушке, втокнул его в коридор офиса, на входе в который стоял пост охраны: стол и компьютер на столе. На монитор транслировалась картинка с камеры наблюдения на входе – сейчас он передавал изображение застывшей перед офисом «дэу».

– Как забрать запись?

– Я не знаю, – пробормотал охранник.

– Сдохнуть хочешь?

Жила передернул затвор помпового ружья. Охранник, инстинктивно прикрываясь руками, тут же бросился к компьютеру.

– Сейчас! Се... сейчас! Все на жестком диске!

– Открывай!

Трясущимися руками охранник схватился за крышку корпуса, чтобы открыть системный блок.

С тяжелым гулким стуком металлическая дверца сейфа, срезанная сваркой, слетела со своего места и плюхнулась на пол. Пока налетчик прятал сварочный аппарат в рюкзаке, второй содрал с плеч собственный рюкзак и прыгнул к сейфу.

Одна из полок сейфа была забита пачками пятидесяти тысяч купюр. Бандит принялся возбужденно и быстро набивать ими сумку.

– Готово!

– Валим!

Они, нацепляя рюкзаки на плечи, бросились в коридор. Несколько прыжков по лестнице, поворот – и они уже были на проходной.

– Готово!

Жила кивнул, держа на мушке охранника. Сообщники выбежали из здания, хлопнула дверь. Охранник с огромным трудом извлек жесткий диск из системного блока – руки почти не слушались.

– Вот...

Жила схватил винчестер, бросил его в карман. После чего лютым взглядом уставился на охранника.

– Значит, знаешь меня?..

Он увидел, как охранник округлил рот, чтобы заголосить, как он в ужасе выставил перед собой руки, словно они могли защитить от мощного заряда дроби.

Раздался грохот выстрела, следом еще один. Через секунду Жила выскочил из офиса и прыгнул в «дэу». В то же мгновение она сорвалась с места.

– Господи! Сеня...! Как же это! Господи!

– Женщина, постарайтесь успокоиться.

– Успокоиться?! У меня мужа убили!

Фельдшер скорой, делающий ей укол, ничего не ответил. Вдова охранника продолжала рыдать в голос.

Фокин, стоя у дверей «Каскад строй лимитед», мрачно наблюдал за ней. К нему подошел опер из местного ОВД.

– Бедная баба, – тихо сказал он, кивнув на плачущую женщину. – Муж устроился сюда, потому что рядом с домом, прикинь? Она ему позвонила, он не отвечает. Решила добежать, узнать, все ли в порядке. А тут...

– Пипец вообще, – буркнул Фокин. Он машинально похлопал себя по карманам и вспомнил, что бросил курить. Чертыхнулся. Опер из местного ОВД, который оказался догадливым, протянул ему пачку сигарет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.